

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА
ДЕЛО "РОЧ (ROCHE) ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА"
(Жалоба N 32555/96)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА
(Страсбург, 19 октября 2005 года)

<*> Перевод на русский язык Берестнева Ю.Ю.

По делу "Роч против Соединенного Королевства" Европейский суд по правам человека, заседая Большой палатой в составе:

Л. Вильдхабера, Председателя Палаты,
Х.Л. Розакиса,
Г. Ресса,
Сэра Николаса Братца,
Л. Кафлиша,
Л. Лукайдеса,
И. Кабрала Баррето,
В. Стражнички,
П. Лоренсена,
Й. Касадеваля,
Б. Цупанчича,
Дж. Хедигана,
В. Томассен,
А.Б. Бака,
Р. Марусте,
К. Трайа,
С. Павловского, судей,

а также при участии Т.Л. Эрли, заместителя Секретаря-Канцлера Суда, заседая 20 октября 2004 г. и 7 сентября 2005 г. за закрытыми дверями, вынес 7 сентября 2005 г. следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (N 32555/96), поданной 31 января 1996 г. в Европейскую комиссию по правам человека против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии поданным Соединенного Королевства Томасом Майклом Рочем (Thomas Michael Roche) (далее - заявитель) в соответствии с бывшей [статьей 25](#) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Интересы заявителя в Европейском суде, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял Дж. Уэлч (J. Welch), юрист из неправительственной организации защиты гражданских свобод "Либерти" (Liberty), г. Лондон. Власти Соединенного Королевства были последовательно представлены своими Уполномоченными при Европейском суде по правам человека К. Уомерсли (С.

Whomersley) и Дж. Грейнджером (J. Grainger), Министерство иностранных дел и по делам Содружества.

3. Заявитель утверждал, что подвергался экспериментам, связанным с изучением прямого воздействия на человека токсичных химических веществ в ходе испытаний в Портон-Дауне (Porton Down) в 1962 и 1963 годах. Главным образом, он жаловался в соответствии со [статьями 8 и 10](#) Конвенции, что не имел соответствующего доступа к информации о проведении испытаний токсичных отравляющих веществ, и в соответствии с [пунктом 1 статьи 6](#) Конвенции он жаловался на то, что вследствие свидетельства, выданного министром обороны (Secretary of State) на основании статьи 10 Закона 1947 года "О производстве в судах Короны" (Crown Proceedings Act), его право на доступ к правосудию не было обеспечено. Кроме того, в отношении второй жалобы он ссылаясь на [статью 1](#) Протокола N 1 к Конвенции в совокупности со [статьями 13 и 14](#) Конвенции.

4. В октябре 1997 года Европейская комиссия начала рассмотрение жалобы. В сентябре 1998 года рассмотрение жалобы было отложено до окончания судебного разбирательства в национальных судах.

5. 1 ноября 1998 г., в день вступления в силу [Протокола N 11](#) к Конвенции ([пункт 2 статьи 5](#) Протокола N 11 к Конвенции), жалоба была передана на рассмотрение в Европейский суд.

6. Первоначально жалоба была передана на рассмотрение в Третью секцию Суда ([пункт 1](#) правила 52 Регламента Суда). В январе 2001 года Палата данной Секции решила возобновить рассмотрение этого дела, и Решением от 23 мая 2002 г. (в составе судей Г. Ресса (G. Ress), И. Кабрала Баррето (I. Cabral Barreto), сэра Николаса Братца (Sir Nicolas Bratza), П. Куриса (P. {Kuris}) <*>, Б. Цупанчича (B. {Zupancic}), Дж. Хедигана (J. Hedigan) и К. Трайа (K. Traja), а также при участии Секретаря Секции В. Берже (V. Berger)) объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу в части, представленной выше в [§ 3](#).

<*> Здесь и далее по тексту слова на национальном языке набраны латинским шрифтом и выделены фигурными скобками.

25 марта 2004 г. Палата (в прежнем составе, за исключением судей Г. Ресса и Л. Кафлиша (L. Caflisch)) уступила юрисдикцию в пользу Большой палаты, ни одна из сторон не возражала против этого решения ([статья 30](#) Конвенции и [правило 72](#) Регламента Суда).

7. Состав Большой палаты был определен в соответствии с [пунктами 2 и 3 статьи 27](#) Конвенции и [правилом 24](#) Регламента Суда (судья Ж.-П. Коста (J.-P. Costa) не смог принять участие в дальнейшем рассмотрении данного дела, и в соответствии с [пунктом 3](#) правила 24 Регламента Суда его заменил первый запасной судья Р. Марусте (R. Maruste)).

8. Как заявитель, так и власти Соединенного Королевства представили свои замечания по существу дела. Стороны ответили на замечания друг друга в ходе открытых устных слушаний дела, которое состоялось 20 октября 2004 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге ([пункт 3](#) правила 59 Регламента Суда).

В Европейский суд явились:

а) от властей Соединенного Королевства:

Дж. Грейнджер (J. Grainger), Уполномоченный Соединенного Королевства при Европейском суде по правам человека,

Дж. Иди (J. Eadie), адвокат,

С. Кейв (S. Cave),

Г. Риган (G. Regan), советники,

б) от заявителя:

Р. Гордон (R. Gordon), королевский адвокат,

Дж. Стратфорд (J. Stratford),

Ф. Пилброу (F. Pilbrow), адвокат,
Дж. Уэлч (J. Welch),
Дж. Дрейн (J. Drane), солиситоры,
В. Уэйкфилд (V. Wakefield), советник.

Европейский суд заслушал обращения Р. Гордона и Дж. Иди, а также их ответы на свои вопросы.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

9. Заявитель родился в 1938 году, в настоящее время проживает в Ланкашире (Lancashire).

10. В 1953 году в возрасте 15 лет он поступил на военную службу в Британскую армию. С февраля 1954 года по апрель 1968 года он проходил службу в Королевских инженерных войсках (Royal Engineers), но был уволен в запас по причинам, не имеющим отношения к настоящей жалобе.

В 1981 году врачи поставили заявителю диагноз: гипертония и бронхиальная астма, а в 1989 году у него обнаружили хроническую непроходимость дыхательных путей и высокое кровяное давление (бронхит). С 1992 года он не работал и был признан инвалидом.

A. Испытания в Портон-Дауне

11. Центр химической и биологической защиты (Chemical and Biological Defence Establishment) в Портон-Дауне (Porton Down) был основан в ходе Первой мировой войны для проведения исследований в области химического оружия с целью повышения уровня защиты Вооруженных сил Великобритании от возможного применения такого вида оружия. В ходе исследований проводились испытания газа на людях и на животных. Военнослужащим, которые принимали участие в этих испытаниях, было выплачено дополнительное денежное вознаграждение.

12. Заявитель участвовал в таких экспериментах в Портон-Дауне. Факт его участия в экспериментах в июле 1963 году не оспаривался, но в отношении участия заявителя в этих опытах в 1962 году имелись некоторые сомнения. Медицинская карта заявителя во время прохождения службы не содержит записей об экспериментах, имевших место в Портон-Дауне.

1. Испытания, проводимые в Портон-Дауне в 1962 году

13. Заявитель утверждал следующее. Весной 1962 года его пригласили в Портон-Даун; по прибытии он прошел медицинское обследование; три или четыре раза его просили заходить в герметичную и непрветриваемую комнату, где его сажали на стул и пристегивали ремнями; в течение 6 часов небольшое количество горчичного газа поступало на участки ткани, которые были прикреплены на его коже; ему сообщили, что, возможно, некоторое время он будет испытывать боль или дискомфорт, но, тем не менее, его не предупредили надлежащим образом о возможных последствиях опытов для его здоровья; после окончания опытов он вернулся в свое подразделение; и после того, как он уехал из Портон-Дауна, никакие новые медицинские осмотры в его отношении не проводились.

В качестве доказательства своего участия в экспериментах в 1962 году заявитель ссылаясь на служебную записку и запись в деле от 13 ноября 1989 г. (см. ниже § 24), а

также на заключение по этому вопросу, представленное 14 января 2004 г. апелляционным пенсионным судом (Pensions Appeal Tribunal) (см. ниже § 63).

14. Хотя власти Соединенного Королевства и не отрицали факт участия заявителя в тех экспериментах, они указали на ряд оснований, которые, предположительно, противоречили такому выводу: сводные и составленные в алфавитном порядке учетные медицинские книги не указывали на участие заявителя в экспериментах в 1962 году, а только на такое его участие в 1963 году; отсутствовали какие-либо письменные доказательства проведения тестов в 1962 году, тогда как существовали некоторые записи об участии заявителя в экспериментах в 1963 году; и если апелляционный пенсионный суд и признал участие заявителя в экспериментах в 1962 году, то исключительно на основании его воспоминаний.

2. Испытания, проводимые в Портон-Дауне в 1963 году

15. Испытания нервно-паралитического газа (известного как G-агент или GF) описаны в соответствующих учетных медицинских документах как "воздействие GF-газом в результате одного вдоха". Заявитель утверждал: что до начала испытаний ему сказали, что эти опыты "безвредны даже для мышей"; что его поместили в герметичную комнату со стеклянной перегородкой, в комнате находилась маска, которую надели ему на рот и нос, после этого проверили маску и герметически закрыли комнату; что при помощи громкоговорителя ему сообщили о начале эксперимента и попросили сделать обычный вдох; что сразу после этого он почувствовал напряжение мышц грудной клетки и легких, которое прошло после окончания эксперимента; и что в течение следующих часов через определенные интервалы времени у него брали анализ крови. Власти Соединенного Королевства утверждали, что в газовую камеру вводили разжиженные пары GF-газа и, согласно названию эксперимента, добровольные участники через трубку, соединенную с этой комнатой, делали один вдох воздуха, содержащего рассчитанные дозы GF-газа, на две секунды задерживали дыхание и затем делали выдох.

16. Другой эксперимент был связан с горчичным газом, в учетных медицинских книгах ему дано следующее описание: "Н-чувствительность и проникновение". По утверждению заявителя, схема этого эксперимента была аналогична эксперименту 1962 года.

Власти Соединенного Королевства добавили следующее замечание: испытания горчичного газа проводились с целью проверки качества защитной спецодежды и состояли из двух частей. Первая часть представляла собой тест на чувствительность, целью которого являлось определение уровня чувствительности личности к горчичному газу, и подразумевала введение разбавленного раствора газа в плечо участника эксперимента. Если по истечении 24 часов у участника эксперимента оставалось небольшое красное пятно на коже, он считался очень чувствительным и более не участвовал в экспериментах. В противном случае, если участник оказывался менее чувствительным, проводилась вторая часть эксперимента, которая состояла в том, что на три образца защитной спецодежды, размещенной на теле участника, капали небольшое количество разбавленного раствора горчичного газа, а затем через шесть часов и через 24 часа изучали состояние кожи участника под спецодеждой. Как до, так и после экспериментов участники находились под видеонаблюдением. Комнаты надлежащим образом вентилировались, дозы вещества были небольшими и безвредными, подготовка к опытам была очень тщательной, а их ход должным образом контролировался.

В. Осуществление заявителем поиска необходимых медицинских документов

17. С 1981 года заявитель проходил курс лечения в связи с нарушением дыхания и высоким артериальным давлением, но к 1987 году состояние заявителя значительно ухудшилось. Он приступил к поиску медицинских документов, составленных в период его нахождения в Портон-Дауне, и описал этот поиск как "медицинское" и "политическое" средства.

1. "Медицинский" путь

18. В конце 1987 года в ответ на запрос лечащего врача заявителя Министерство обороны Соединенного Королевства (Ministry of Defence) в Письме с пометкой "медицинская информация: конфиденциально" предоставило врачу медицинскую карту заявителя за период прохождения военной службы. Эта карта не содержала никаких сведений о проведении экспериментов над заявителем в Портон-Дауне.

19. Письмом от 14 ноября 1989 г. Портон-Даун ответил еще на один запрос врача заявителя. Письмо было отправлено с пометкой "медицинская информация: конфиденциально" и подтвердило участие заявителя в испытаниях GF-газа в июле 1963 года. Как до, так и после проведения этих экспериментов заявитель прошел полное медицинское обследование, которое не выявило у него каких-либо отклонений от нормы по состоянию здоровья. Кроме того, в Письме указывалось (как стало известно позднее, это была неточная информация - см. ниже § 36) на семь анализов крови, сделанных после испытаний GF-газа, и на результаты этих анализов; и подтверждалось, что заявителю также были сделаны "измерения пневмотахометром" и взяты "пробы с задержкой дыхания", была изучена степень проницаемости одежды (хотя это и не было прямо отмечено, очевидно, это были испытания горчичного газа) и проведен ряд личностных тестов. Результаты этих тестов не были приведены в Письме, кроме того, к Письму не были приложены какие-либо иные документы, подтверждающие сделанные в Письме заявления. Печать лечащего врача заявителя на Письме свидетельствовала о том, что он решил сообщить заявителю, что все было в порядке. В 1994 году заявитель убедил своего врача показать ему это Письмо.

20. Письмом от 14 декабря 1989 г. консультант сообщил врачу заявителя о своих сомнениях относительно того, что бронхиальная астма заявителя была вызвана воздействием на него нервно-паралитического газа, и указал на необходимость проведения новых исследований.

21. Письмо доктора Х. (Н.) (профессора экотоксикологии университета Лидса (University of Leeds), который позже был назначен судом в качестве свидетеля-эксперта в ходе судопроизводства по делу в апелляционном пенсионном суде, см. ниже § 42 - 68) от 5 декабря 1994 г., адресованное заявителю, гласило, что для оценки отдаленных последствий его участия в экспериментах были необходимы полные и подробные учетные документы и что отдаленное эпидемиологическое исследование было бы полезно как для определения наличия отдаленных последствий такого участия, так и для убеждения участников этих экспериментов в отсутствии таковых последствий для их здоровья. В своем Письме от 10 июля 1996 г. он повторил свою точку зрения о необходимости проведения такого исследования.

22. Во внутренней служебной записке Портон-Дауна от 24 ноября 1997 г. отмечалось, что некоторые показатели анализов крови, приведенные в адресованном доктору заявителя Письме от 14 ноября 1989 г., являлись неточными. Кроме того, считалось, что данное заявителем описание экспериментов приблизительно соответствовало процедурам, имевшим место в 1960-х годах.

Хотя в медицинских учетных документах 1960-х годов и отсутствовали очевидные пробелы, нельзя утверждать, что эти учетные книги были полными: заявитель мог принимать участие в экспериментах в 1962 года, а его имя могло быть не внесено в списки или записано неверно вследствие канцелярской ошибки.

2. "Политический" путь

23. Заявитель, *inter alia*, участвовал в сидячей голодной забастовке в Портон-Дауне, провел пресс-конференцию в Палате общин (House of Commons) и обратился к членам Парламента с ходатайством о парламентских запросах.

24. В период с 11 по 14 ноября 1989 г. заявитель участвовал в голодной забастовке у стен Портон-Дауна. 13 ноября 1989 г. между заявителем и заместителем начальника Портон-Дауна состоялась беседа. Заместитель в служебной записке от того дня отметил, что представленное заявителем описание экспериментов являлось достаточно убедительным, чтобы подтвердить его участие в них, и посоветовал продолжить поиск учетных документов. Кроме того, этот заместитель начальника Портон-Дауна указал в записи в деле (от того же дня), что описание заявителем своего посещения Портон-Дауна в 1962 и 1963 годах в достаточной мере убедили его, что тот являлся добровольным участником экспериментов в обоих случаях. На этих основаниях 14 ноября 1989 г. заместитель начальника Портон-Дауна отправил доктору заявителя Письмо (см. выше § 19).

25. В январе 1994 г. заявитель основал Ассоциацию добровольцев Портон-Дауна с тем, чтобы добиться признания и выплаты компенсации участникам экспериментов. На настоящий день ассоциация насчитывает более 300 членов.

26. Письмом от 26 января 1994 г. начальник Портон-Дауна по запросу министра обороны Соединенного Королевства (Secretary of State for Defence) ответил на ряд вопросов, заданных членом Парламента, об испытании химического и биологического оружия. В Письме начальник описал процедуру проведения испытаний, отметив, что участники проходили медицинское обследование до и после экспериментов, и напомнил о "периодических" осмотрах. В Письме указывалось на отсутствие доказательств того, что состояние здоровья участников экспериментов ухудшилось вследствие их участия в этих экспериментах.

22 июня 1994 г. начальник Портон-Дауна подтвердил установленную политику Министерства обороны Соединенного Королевства передавать медицинские карты за период прохождения службы доктору бывшего военнослужащего "в конфиденциальном порядке". В Письме начальника от 7 марта 1995 г. (направленном в ответ на парламентский запрос министру обороны Соединенного Королевства) отмечалось, что данные эксперименты не подразумевали долговременную систематическую диагностику участников: любая последующая диагностика носила исключительно единичный и *ad hoc* характер.

27. 2 февраля 1994 г. заявитель направил в Министерство обороны Соединенного Королевства письменное обращение с просьбой выдать ему копии медицинских документов и отчетов об экспериментах, которым он подвергся. В своем ответе от 9 марта 1994 г. сотрудники Портон-Дауна отметили, что согласно порядку, установленному Министерством обороны, медицинские заключения могут быть при необходимости предоставлены врачам при условии соблюдения "врачебной тайны", и на этом основании в 1989 году предоставили врачу заявителя соответствующую информацию. "Вопрос о том, в каком объеме сообщать вам эту информацию, должен всецело решить ваш доктор". На новые запросы заявителя Портон-Даун дал аналогичный ответ своим Письмом от 20 апреля 1994 г.

28. 12 декабря 1994 г., выступая в Палате лордов (House of Lords), Лорд Хенли (Lord Henley) заявил, что Министерство обороны Соединенного Королевства продолжит направлять бывших военнослужащих на медицинские обследования и будет предоставлять соответствующие медицинские документы. Кроме того, он отметил, что информация предоставляется врачам с тем, чтобы позволить им ставить точный диагноз и "в случае необходимости должна быть обнародована". Он повторил, что за последние 40

лет не было получено ни одного доказательства того, что участвующие в экспериментах лица имели какие-либо проблемы со здоровьем.

29. 28 февраля 1995 г., в ответ на ряд парламентских запросов, направленных министру обороны относительно необходимости проведения публичного расследования по данному вопросу, представитель властей Соединенного Королевства заявил об отсутствии доказательств того, что кто-либо из участников экспериментов за последние сорок имел какие-либо отдаленные проблемы со здоровьем.

4 апреля и 2 мая 1995 г. министр обороны, выступая в Парламенте и отвечая на вопросы о необходимости проведения исследования в отношении отдаленных последствий на здоровье человека воздействия химических и биологических веществ, дал аналогичные ответы относительно отсутствия доказательств причинения вреда здоровью участникам экспериментов.

30. 25 апреля 1995 г. заявитель и представитель Лейбористской партии (Labour Party) приняли участие в пресс-конференции по вопросу участия добровольцев в экспериментах Портон-Дауна и их требований.

31. 2 декабря 1997 г. после состоявшейся встречи министр обороны направил заявителю Письмо, в котором он говорил о беспокойстве заявителя (и иных участников экспериментов) о том, что информация, касающаяся экспериментов, была от них скрыта. Он подтвердил, что в данном случае, скорее, имело место "менее тщательное" ведение учетных записей, чем хотелось бы ожидать в настоящее время. Министр обороны отметил, что с этого времени все добровольные участники смогут получить доступ ко всей информации, имеющей отношение к их пребыванию в Портон-Дауне, и что будут приняты меры по рассекречиванию медицинских заключений с тем, чтобы сделать эту информацию более доступной.

К Письму были приложены копии ряда документов по проведению экспериментов: а) составленная в алфавитном порядке учетная медицинская книга, в которой имелась запись о посещении заявителем Портон-Дауна в период с 13 по 19 июля 1963 г.; б) сводный отчет, который содержал информацию о двух экспериментах, проведенных с участием заявителя, по изучению действия GF-газа и горчичного газа, и информацию об обязательной процедуре наблюдения (рентгенограмма грудной клетки, измерения пневмотахометром, тест Quiz x 3x alcohol, пробы с задержкой дыхания и анализы крови); и с) доклад под названием "Воздействие вдыхаемого GF-газа на человека", в котором давалось описание опыта, связанного с осуществлением испытуемым одного вдоха GF-газа, и в котором были проанализированы результаты экспериментов, проведенных в отношении 56 участников, предположительно включавшие и тестирование заявителя. В Письме отмечалось, что эти документы находились в свободном доступе для любого участника по его требованию.

Эти данные явились первыми материалами, полученными заявителем по вопросу его участия в экспериментах.

В Письме также указывалось, что большая часть исследовательской работы по испытаниям GF-газа уже была опубликована для массового чтения или же имелась в государственном архиве; что обзор документов, которые подлежат обнародованию, будет продолжен; а заявителю был предоставлен список всех относящихся к его делу материалов исследовательской работы, которые были опубликованы с 1957 по 1987 год. К тому времени отсутствовали какие-либо доказательства, позволяющие предположить, что кто-либо из участвовавших в экспериментах добровольцев испытывал отдаленные неблагоприятные последствия этих экспериментов. В связи с тем, что полное независимое и долгосрочное исследование влияния участия лица в экспериментах на состояние его здоровье не считалось выполнимым и целесообразным, то ни одно такое исследование не было проведено и проводиться не будет.

32. В Письме от 31 августа 1999 г., адресованном апелляционному пенсионному суду, Портон-Даун указал, что его сотрудники хорошо знакомы с делом заявителя, так как получали от самого заявителя и от членов Парламента многочисленные обращения.

33. Письмом от 3 мая 2001 г. Портон-Даун сообщил заявителю, что были обнаружены некоторые старые журналы лабораторных исследований, которые содержали информацию об экспериментах 1963 года: в одном из журналов имелись ранее недоступные сведения о кожных аллергических пробах с применением горчичного газа. Результаты рентгеноскопии грудной клетки, сделанной до проведения экспериментов, и медицинское заключение об этих анализах также теперь были доступны. В Письме говорилось, что, если заявитель желал ознакомиться с этими данными или получить копии этих материалов, ему необходимо было обратиться в Портон-Даун.

C. Документы, представленные властями Соединенного Королевства по настоящей жалобе

34. Вместе с документами, которые были обнародованы Письмом министра обороны от 2 декабря 1997 г., Европейскому суду на рассмотрение были также представлены следующие документы.

1. Документы, представленные вместе с замечаниями властей Соединенного Королевства от 9 марта 1998 г.

35. Власти Соединенного Королевства отметили, что следующие документы являлись единственными относящимися к делу материалами, которые можно было обнаружить: а) извлечение из отчета о результатах лабораторных анализов личностных тестов и тестов умственных способностей лица; б) извлечения из лабораторных заключений анализов крови на реакцию с GF-газом: у заявителя взяли семь анализов крови; и с) заключение по результатам анализов крови на реакцию с GF-газом.

2. Документы, представленные вместе с замечаниями властей Соединенного Королевства от 5 апреля 2001 г.

36. Власти Соединенного Королевства внесли поправки в свои представленные ранее объяснения в отношении семи анализов крови (см. выше § 19): один анализ был сделан 13 июля 1963 г., второй - до начала испытания GF-газа на заявителе, а остальные пять анализов были сделаны после этого эксперимента. Власти Соединенного Королевства исправили также и иные свои ошибки, касающиеся сведений, представленных в их предыдущих замечаниях в отношении этих экспериментов, включая следующие заявления: "заявление о "25 миллиграммах GF-газа [пар на килограмм массы тела]", очевидно, является опечаткой. В действительности же дозы GF-газа исчисляются в пределах от 0,16 до 2,84 микрограммов на килограмм массы тела". Они также представили документы, обнаруженные недавно вследствие проведения нового расследования: а) рентгеноскопия грудной клетки заявителя, сделанная до проведения экспериментов, и медицинское заключение об этих анализах (см. выше § 33); б) доклад, датированный августом 1942 года, под названием "Методика психологических экспериментов, проводимых на людях в [Портон-Дауне]", в котором описаны способы проведения экспериментов на чувствительность к горчичному газу; и с) извлечения из журнала лабораторных исследований, озаглавленного "Тесты с верхней одеждой. Действие горчичного газа на человека", датированного серединой июля 1963 года и имеющего отношение к заявителю.

D. Разбирательство дела заявителя в национальных судах

1. Ходатайство заявителя о получении пенсии за прохождение военной службы

37. 10 июня 1991 г. заявитель подал ходатайство о назначении ему пенсии за прохождение военной службы в связи с тем, что он страдает от "гипертонии/нарушений дыхания", которые стали следствием экспериментов в Портон-Дауне (а также следствием радиоактивного облучения, которому он подвергался в ходе проведения испытаний ядерного оружия на острове Рождества (Christmas Island)). Министерство социального обеспечения Соединенного Королевства (DSS - Department of Social Security) получило копии медицинских карт заявителя как военнослужащего и как гражданского лица, а также заключение его врача, которое подтверждало, что заявитель страдает от гипертонии, хронической непроходимости дыхательных путей и бронхиальной астмы. Решением министра обороны от 28 января 1992 г. его ходатайство о получении пенсии за военную службу было отклонено на том основании, что заявитель не доказал наличие причинно-следственной связи между экспериментами и его состоянием здоровья. На данной стадии заявитель не возбудил апелляционное производство.

2. Выдача свидетельства на основании статьи 10 Закона 1947 г. "О производстве в судах Короны" (далее - Закон 1947 года)

38. В 1994 году заявитель обратился за помощью к солиситорам с тем, чтобы они представляли его интересы в ходе судопроизводства.

14 ноября 1994 г. солиситоры заявителя направили Письмо на имя министра обороны, в котором они угрожали возбудить судебный иск, *inter alia*, обвиняя Министерство обороны в халатности, применении физического насилия и нарушении установленных Законом обязанностей и требуя предоставить все медицинские заключения и результаты лабораторных анализов за период проведения экспериментов в 1962 и 1963 годах, имеющиеся в распоряжении министра обороны и Портон-Дауна. При этом указывалось, что в противном случае заявитель готов обратиться в Высокий Суд правосудия (High Court) с ходатайством о вынесении распоряжения о представлении сведений в порядке подготовки иска. В начале января 1995 года представители заявителя встретились с представителями Министерства обороны на "беспристрастной" основе, а 5 июня 1995 г. они направили Письмо в Министерство обороны, требуя подтверждения выдачи заявителю свидетельства на основании статьи 10 Закона 1947 года.

39. Письмо отдела Министерства обороны по рассмотрению претензий от 4 июля 1995 г., адресованное солиситорам заявителя, гласило:

"Из управления по делам о военных пенсиях (War Pensions Agency) мне сообщили, что в случае острого бронхита (1963 год), повреждения колена и потери слуха свидетельство на основании статьи 10 будет рассматриваться как связанное с прохождением службы и такое свидетельство будет выдано. Остальные заболевания, за которые [заявитель] желает получить военную пенсию, не считаются связанными с прохождением службы".

40. 3 августа 1995 г. министр обороны выдал заявителю свидетельство:

"Поскольку вред здоровью <заявителя> касается любого вреда, понесенного в результате прохождения службы в Вооруженных силах Великобритании за период с 16 февраля 1954 г. по 2 апреля 1968 г., тем самым, я подтверждаю, что этот вред рассматривается как связанный с прохождением службы по смыслу права лица на получение компенсации на основании Приказа 1983 года о пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу в Военно-морских силах, Военно-воздушных силах и иных видах войск (в случае получения увечья или смерти) (Naval, Military and Air Forces Etc.

(Disablement and Death) Service Pensions Order), который регулирует вопросы получения увечья служащим Вооруженных сил Великобритании или его смерти".

41. Письмом от 8 августа 1995 г. адвокат Министерства финансов Соединенного Королевства (Treasury Solicitor) направил представителям заявителя копию свидетельства, выданного на основании статьи 10.

3. Апелляционный пенсионный суд

42. Ссылаясь на [Постановление](#) Европейского суда по делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства" (McGinley and Egan v. the United Kingdom) (см. Постановление Европейского суда от 9 июня 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998-III), а также на факт обнародования властями Соединенного Королевства в представленных обращениях по настоящему делу некоторых документов (9 марта 1998 г.), заявитель ходатайствовал о приостановлении производства по рассмотрению настоящей жалобы с тем, чтобы иметь возможность возбудить апелляционное производство в апелляционном пенсионном суде и, в частности, добиться обнародования документов на основании правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда (по Англии и Уэльсу) 1980 года (Pensions Appeal Tribunals (England and Wales) Rules) (далее - Регламент апелляционного пенсионного суда). Производство по настоящей жалобе было приостановлено.

43. 1 июня 1998 г. заявитель подал апелляционную жалобу в апелляционный пенсионный суд. В связи с тем, что Управление по делам о военных пенсиях (специализированное управление Министерства социального обеспечения Соединенного Королевства) потребовало представить еще одну форму, 8 ноября 1998 г. заявитель подал новую апелляционную жалобу.

44. В феврале 1999 года заявитель получил "Изложение дела". Два раза он добивался продления срока на представление своего "ответа" на "Изложение дела" (для того, чтобы проконсультироваться с экспертом-патологоанатомом в области химических веществ относительно уже обнародованных документов и тех документов, предоставление которых необходимо истребовать в ходе апелляционного производства в апелляционном пенсионном суде, а также чтобы рассмотреть промежуточные замечания властей Соединенного Королевства по данной жалобе), и указал, что заявит ходатайство в соответствии с пунктом 1 правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда.

45. 30 июля 1999 г. в Управление по делам о военных пенсиях был передан ответ заявителя вместе с письмом, в котором отмечалось, что к данному ответу прилагается запрос о предоставлении документов на основании пункта 1 правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда: в пункте 18 ответа заявителя содержался перечень 17 групп документов, которые он истребовал в соответствии с этим правилом Регламента апелляционного пенсионного суда.

46. 10 августа 1999 г. Управление по делам о военных пенсиях в своем ответе подчеркнуло, что для получения всей информации, истребуемой на основании пункта 1 правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда, были направлены запросы. По получении этой информации Управление по делам о военных пенсиях будет просить согласия председателя апелляционного пенсионного суда раскрыть эту информацию.

47. В тот же день Управление по делам о военных пенсиях направило в Портон-Даун Письмо, приложив к нему копию запроса заявителя на основании правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда, и попросило Портон-Даун как можно быстрее предоставить информацию с тем, чтобы можно было получить согласие председателя АПС.

48. 14 марта и 13 апреля 2000 г. Управление по делам о военных пенсиях направило заявителю и апелляционному пенсионному суду соответственно дополнительное "Изложение дела" (содержащее теперь дополнительное медицинское заключение).

49. 3 августа 2000 г. председатель апелляционного пенсионного суда в своем ответе на запрос заявителя указал, что его дело не было включено в список дел к слушанию, так как ожидалось представление новых документальных доказательств и ответа министра обороны. Тем не менее, поскольку заявитель не должен был включать запрос в соответствии с правилом 6 Регламента апелляционного пенсионного суда в свой ответ на "Изложение дела", данный запрос только что был обнаружен. В письме также отмечалось, что заявитель должен был сообщить председателю апелляционного пенсионного суда о том, подтверждает ли он свое решение, что пункт 18 его ответа является его запросом на основании пункта 6 Регламента апелляционного пенсионного суда, и в случае утвердительного ответа, председатель хотел бы получить какие-либо замечания по этому вопросу, которые могли бы помочь ему изучить применимость документов к обжалуемым вопросам. Кроме того, заявителю надлежало сообщить, в какое министерство необходимо направить распоряжение по правилу 6 Регламента апелляционного пенсионного суда.

50. 9 ноября 2000 г. заявитель сообщил председателю апелляционного пенсионного суда, что пункт 18 его ответа действительно является его запросом на основании правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда, и он представил подробные замечания по вопросам, указанным председателем апелляционного пенсионного суда.

51. Письмом от 13 ноября 2000 г. председатель апелляционного пенсионного суда попросил заявителя представить проект распоряжения и явиться на слушание по рассмотрению этого вопроса, так как он полагал, что формулировка некоторых пунктов запроса на основании правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда казалась неоднозначной и недостаточно ясной. Заявитель представил проект распоряжения (главным образом, перечислив документы, уже указанные в пункте 18 его ответа).

52. Приказом от 1 февраля 2001 г. в соответствии с пунктом 1 правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда председатель апелляционного пенсионного суда дал указание министру обороны предоставить соответствующие документы, так как счел, что эти документы "казались применимыми к вопросам, указанным в апелляционной жалобе".

53. 6 июля 2001 г. министр обороны направил Письмо на распоряжение председателя апелляционного пенсионного суда. Это Письмо имело пометку "медицинская информация: конфиденциально" и касалось документов, уже представленных властями Соединенного Королевства в Европейский суд (см. выше § 34 - 36). Министр обороны сообщил, что не может дать определенного ответа на запрос пятой группы истребуемых документов (а именно, "любые научные или медицинские заключения, опубликованные или предназначенные для внутреннего пользования Портон-Дауна, [Министерства обороны] или иного министерства или государственного ведомства об исследованиях с участием добровольцев или о проведении экспериментов в Портон-Дауне с 1957 по 1968 год, которые являлись аналогичными или имели какое-либо отношение к исследованиям и экспериментам, в которых участвовал [заявитель]"). Был проведен всесторонний и тщательный обзор документов, очень долгий и очень трудоемкий. Было систематизировано большое количество документов, идентифицированных как относимые к запросу. Министр обороны потребовал проведения срочного анализа классификации документов и сообщил, что, как только анализ будет завершен, он предоставит апелляционному пенсионному суду свой полный ответ. Министр обороны дал пояснения документов, которые уже были представлены властями Соединенного Королевства в Европейский суд, а также уточнил вопросы относительно точных дат, когда заявитель мог участвовать в экспериментах, степени воздействия газа и относительно названий и аббревиатур, содержащихся в представленных документах. Единственными документами, представленными в апелляционный пенсионный суд (в дополнение к тем, которые уже были переданы на рассмотрение в Европейский суд), являлись медицинская карта заявителя за время прохождения службы и его платежное поручение, которое включало оплату недельного пребывания в Портон-Дауне в июле 1963 года.

54. Письмо Министерства обороны было передано заявителю 25 июля 2001 г.

19 июля 2002 г. заявитель направил Письмо в апелляционный пенсионный суд с извинениями за то, что не дал ответа ранее, и с объяснениями причин такой задержки.

55. Письмом от 23 августа 2002 г. Министерство обороны представило документы, из 5-ой группы документов: два отчета под названием "Возможность осуществления последующего изучения состояния здоровья добровольцев, участвующих в экспериментах в [Портон-Дауне]" и "Введение газа зарина (Sarin) через один вдох", фамилии лиц в этих отчетах отсутствовали. Первый отчет подтверждал, что документы, которые велись в Портон-Дауне до конца 70-х годов, как правило, содержали фамилию, служебный номер и возраст участников на день проведения эксперимента, но не были "достаточными ни для осуществления всестороннего изучения уровня заболеваемости, ни изучения уровня смертности". Хотя изучение могло быть проведено на участниках экспериментов после 1976 года, "такое изучение имело бы ограниченный характер и могло бы только привлечь внимание к интересам [Портон-Дауна] в наличии возможных отдаленных проблем со здоровьем у добровольных участников экспериментов". В отчете об осуществимости подчеркивалось, что проведение последующего всестороннего изучения состояния здоровья всех добровольцев являлось "невыполнимым". В справочных материалах Портон-Дауна упоминался также документ под названием "Уникальные документы о ранее проводимых на добровольцах испытаний нервно-паралитического газа GD [пинаколиновый эфир фторангидрида метилфосфоновой кислоты, известного как зоман (Soman)], газа GF и газа DM [дигидрофенарсазинхлорид, известного как адамсит (Adamsite)]". Однако копию этого документа не смогли обнаружить. К данному Письму было также приложено Письмо от 20 августа 2002 г., в котором подтверждалось, что девять из истребуемых документов являлись "протоколами заседаний или иными документами министерств" и, следовательно, не будут обнародованы (пункт 1 правила 6 Регламента АПС).

56. Судебное слушание дела было назначено на 3 октября 2002 г. 27 сентября 2002 г. заявитель был вынужден просить об отложении слушания в связи с тем, что его адвокат заявил о необходимости задать дополнительные вопросы доктору X. Решением от 30 сентября 2002 г. апелляционный пенсионный суд отказал в ходатайстве об отложении слушания, указав, что маловероятным является тот факт, что доктор X. сможет подготовить или подготовит свое заключение.

57. 2 октября 2002 г. Министерство обороны направило АПС и заявителю Письма, в которых отметило, что, хотя девять документов ранее были объявлены не подлежащими к разглашению (Письмо от 23 августа 2002 г., см. выше § 55), в настоящее время семь из этих девяти документов могли быть представлены. У Министерства обороны появилась "возможность повторно изучить документы... с тем, чтобы определить, могут ли [они] стать предметом произвольного разглашения... при попытке обеспечить, чтобы все, что может быть обнародовано, было обнародовано, с тем, чтобы обеспечить максимальную открытость и максимальное содействие [апелляционному пенсионному суду]". На некоторые обнародованные документы была поставлена определенная блокировка для того, чтобы защитить личность участвовавших в экспериментах сотрудников и исключить не относящиеся к делу материалы. Два документа были оставлены как не подлежащие обнародованию: первый сочли не "имеющим какого-либо отношения" к экспериментам, которым подвергся заявитель, и, так или иначе, этот документ "содержал секретную информацию и не подлежащую произвольному рассекречиванию в интересах безопасности"; а для обнародования второго документа требовалось разрешение от властей Соединенных Штатов Америки.

58. Апелляционная жалоба была рассмотрена на судебном слушании, которое состоялось 3 октября 2002 г. Заявитель ходатайствовал об отложении слушания, что было поддержано Управлением по делам ветеранов (Veterans' Agency) (правопреемником Управления по делам о военных пенсиях). Решение апелляционного пенсионного суда (вынесенное 7 октября 2002 г.) гласило:

"[Апелляционный пенсионный суд] чрезмерно озабочен тем, что данная жалоба оказалась необходимой вследствие безуспешных действий советников [заявителя] своевременно изучить документы, представленные более года назад.

Тем не менее, поскольку [Управление по делам ветеранов] также не имело возможности ознакомиться с документами и так как [заявитель] не может решить, подавать ли апелляцию в отношении гипертонии, мы неохотно решили отложить судебное слушание по делу.

Мы считаем крайне неудовлетворительным, что средства Европейского суда были неэффективно использованы таким образом. Чтобы не допустить повторения подобных случаев в будущем, апелляционный пенсионный суд намерен контролировать ход апелляционного производства".

Апелляционный пенсионный суд должен был уточнить у Министерства обороны статус некоторых закрытых документов, а также тот объем, в каком они могли быть предоставлены общественности, и он потребовал, чтобы Министерство обороны обеспечило к 21 октября 2002 г. предоставление следующих документов. Апелляционный пенсионный суд также отметил, что Министерство обороны, Управление по делам ветеранов и заявитель должны до 18 ноября 2002 г. сообщить апелляционному пенсионному суду вопросы и документы, которые необходимо, по их мнению, передать доктору Х. на рассмотрение. Кроме того, предполагалось, что апелляционный пенсионный суд добавит к этому свои вопросы и представит сводный список вопросов для доктора Х., который должен будет дать свое заключение в ответ на запрос апелляционного пенсионного суда. От заявителя также требовалось подтвердить до 28 октября 2002 г. свою позицию относительно жалобы по вопросу гипертонии.

59. 21 октября 2002 г. Министерство обороны предоставило апелляционному пенсионному суду три рассекреченных документа, которые апелляционный пенсионный суд передал заявителю Письмом от 8 ноября 2002 г. вместе с предупреждением о том, что Министерство обороны предоставило данные документы исключительно в целях рассмотрения апелляционной жалобы и что содержащаяся в них информация не может быть использована в иных целях без согласия Министерства обороны. Письмом от 25 октября 2002 г. заявитель подтвердил, что его апелляционная жалоба включает вопрос о гипертонии, он объяснил причины своего замешательства и в связи с этим попросил продлить срок подачи жалобы. Форма апелляционной жалобы по вопросу гипертонии была представлена в апелляционный пенсионный суд 5 декабря 2002 г.

60. 3 декабря 2002 г. апелляционный пенсионный суд направил доктору Х. Письмо вместе с приложенными документами, которые были обнародованы (к тому времени) Министерством обороны, а также два списка вопросов (подготовленных заявителем и врачом-консультантом апелляционного пенсионного суда). 19 февраля 2003 г. доктор Х. представил апелляционному пенсионному суду свое заключение. В связи с замечанием заявителя о том, что доктор Х. не ответил на вопросы апелляционного пенсионного суда, доктор Х. восполнил пробелы в дополнительном заключении, отправленном в апелляционный пенсионный суд как Письмо от 14 мая 2003 г.

61. В документе от 14 октября 2003 г. Министерство обороны представило свои комментарии относительно заключений доктора Х. 16 октября 2002 г. Ведомство по делам ветеранов представило дополнительное "Изложение дела".

62. 23 октября 2003 г. в апелляционном пенсионном суде состоялось судебное слушание дела по апелляции. Апелляционный пенсионный суд разрешил несвоевременное рассмотрение жалобы по вопросу о гипертонии, но так как выяснилось, что Управление по делам ветеранов не изучило материалы по апелляции, представленные заявителем, апелляционный пенсионный суд неохотно удовлетворил ходатайство Министерства обороны об отложении слушания жалобы с тем, чтобы предоставить Управлению по делам ветеранов время для "надлежащего изучения всех материалов,

являющихся доказательствами по делу, и подготовить мотивированное медицинское заключение". Однако жалоба по основанию "бронхит" была отклонена.

63. 14 января 2004 г. апелляционный пенсионный суд вынес свое письменное Решение. Относительно фактической стороны дела апелляционный пенсионный суд признал, что, несмотря на тот факт, что в служебных данных заявителя или иных исследовательских документах отсутствовали какие-либо сведения о проведении экспериментов в 1962 году, заявитель подвергался испытаниям горчичного газа "в точно не установленный отрезок времени в 1962 году, а также документально подтвержденным испытаниям в 1963 году". Апелляционный пенсионный суд также счел тревожными те "трудности", с которыми столкнулся заявитель при получении документов, представленных апелляционному пенсионному суду на рассмотрение. Апелляционный пенсионный суд установил следующие факты:

"1. Мы считаем, что [заявитель] не страдал от отдаленной дыхательной недостаточности, вызванной воздействием горчичным газом на его кожный покров при проведении испытаний как в 1962 году, так и 1963 году.

2. Мы считаем, что [заявителю] вводились исключительно небольшие дозы горчичного газа и GF-газа, что могло выражаться в минимальном воздействии горчичного газа путем отравления газом и в ограниченном и кратковременном воздействии GF-газа. Несмотря на отсутствие каких-либо данных в отношении объема доз, испытания горчичного газа проводились с целью проверки прочности военной формы, а не испытания газа *per se*. Более того, после несчастного случая со смертельным исходом, имевшего место в Портон-Дауне в 1953 году, были приняты меры безопасности для гарантии того, чтобы добровольцам вводились только дозы, не представляющие угрозу для здоровья.

3. Как показывает неопровержимая совокупность доказательств по делу, ни в одном из экспериментов [заявитель] не получил дозы вещества, которая могла бы иметь отдаленные последствия, описанные в материалах исследований. В частности, [эксперт АПС], хотя и допуская возможность того, что при проведении нового исследования посредством последующего изучения отдаленных последствий может быть установлена какая-либо связь, пришел к выводу, что нет никаких доказательств соотносить воздействие на [заявителя] любым из газов с его нынешним состоянием здоровья. Мы принимаем вывод [эксперта АПС], который заключается в том, что, учитывая ограниченные дозы и минимальные непосредственные реакции организма [заявителя], это исключает существование связи между экспериментами и обжалуемым состоянием здоровья.

4. Особым образом мы ссылаемся на экспертное заключение [доктора Х.]. Он проанализировал определенные данные по делу [заявителя] и изучил обжалуемое им состояние здоровья по отношению к этим конкретным данным. Материалы исследований, на которые ссылался [заявитель], хотя и имели некоторую доказательную силу, являются очень общими и гипотетическими. Поэтому мы сочли более убедительными доказательства и выводы, представленные [доктором Х.] в его заключениях".

Кроме того, апелляционный пенсионный суд счел, что было достаточно показать, что доказанный случай, имевший место во время прохождения лицом военной службы, являлся лишь одной из причин состояния здоровья лица, даже при наличии иных второстепенных факторов. Тем не менее:

"2. Мы не согласны с тем, что отсутствие возможных доказательств проведения иных последующих экспериментов является достаточным основанием для того, чтобы считаться достоверным доказательством.

3. Мы считаем, что в отношении экспериментов, проводимых Портон-Дауном, в которых [заявитель] принял добровольное участие, имеются некоторые достоверные доказательства. Однако данные доказательства, скорее, подтверждают точку зрения об

отсутствии какой-либо связи между этими экспериментами и настоящим состоянием здоровья [заявителя]. Следовательно, принцип обоснованного сомнения не применим.

4. Отсутствуют достоверные доказательства, позволяющие предполагать наличие причинной связи между испытаниями как горчичным газом, так и GF-газом и обжалуемым состоянием здоровья.

5. Заявление [эксперта апелляционного пенсионного суда] о том, что "он не может исключить возможность" о наличии связи между воздействием GF-газа и/или горчичного газа и обжалуемым состоянием здоровья, не удовлетворяет принципу "обоснованного сомнения". Более того, он "исключает" испытание GF-газа как причину и считает воздействие горчичным газом "маловероятной" причиной.

6. Наконец, [адвокат заявителя] просит нас разрешить рассмотрение жалобы на основаниях, которые в целом можно обозначить как "общая справедливость". [Апелляционный пенсионный суд] не обладает ни законодательными, ни дискреционными полномочиями действовать подобным образом. [Апелляционный пенсионный суд] принял решение отклонить жалобу по основанию [бронхит].

64. 4 февраля 2004 г. заявитель обратился в апелляционный пенсионный суд за разрешением на подачу апелляции в Высокий Суд правосудия (High Court) (по вопросу бронхита), а также за отсрочкой жалобы по вопросу гипертонии, находящейся в производстве в апелляционном пенсионном суде.

26 апреля 2004 г. в разрешении на апелляцию было отказано, апелляционный пенсионный суд вынес об этом отложенное Решение от 28 апреля 2004 г.

65. 11 мая 2004 г. заявитель обратился за разрешением на подачу жалобы в Высокий Суд правосудия. 13 июля 2004 г. разрешение было удовлетворено.

66. 10 августа 2004 г. заявитель представил уведомление о жалобе и дополнительные типовые аргументы. Судебное слушание по рассмотрению жалобы было назначено на 7 октября 2004 г.

67. Решением от 8 октября 2004 г. Высокий Суд правосудия удовлетворил апелляционную жалобу и направил дело в апелляционный пенсионный суд на новое рассмотрение.

68. 7 марта 2005 г. апелляционный пенсионный суд провел консультационное слушание. Суд постановил совместно рассмотреть жалобы по основаниям гипертонии и бронхита и представить любые новые документы, имеющие отношение к апелляционной жалобе, к 18 апреля 2005 г.

18 апреля 2005 г. адвокат Министерства финансов представил "список рассекреченных документов", в котором были перечислены и раскрыты 11 документов: восемь из этих документов заявитель никогда ранее не видел. Адвокат Министерства финансов утверждал, что раскрытие большинства документов (включая два протокола заседаний, которые правило 6 Регламента апелляционного пенсионного суда разрешает не раскрывать) не являлось обязательным, поскольку они были малозначительными; он также указал, что уровень секретности всех документов был снижен до "несекретных документов", и отметил, что Министерство обороны приложит все усилия, чтобы предоставить приложения, указанные в некоторых документах.

Ф. Информационные службы и изучение состояния здоровья лиц

69. С 1998 года Вооруженные силы Великобритании учредили службу для разрешения запросов участников экспериментов, проводимых в Портон-Дауне (далее - Схема 1998 года). В соответствующей справочной брошюре указывалось, что участники могли ходатайствовать о предоставлении им сведений, связанных с проводимыми над ними экспериментами, что поиск этих документов будет проведен в отношении этого лица и дополнительных доказательств фактических процедур, что лицу будет представлено суммарное заключение и что, если данное лицо пожелает посетить Портон-

Даун, он сможет ознакомиться с оригинальными документами. Хотя в брошюре отмечалось, что достаточно полные медицинские карты велись с 1942 года, необходимо понимать, что в некоторых случаях старые данные являлись очень ограниченными, что документы, которые хранились на протяжении многих лет, не соответствовали ныне существующим стандартам, и что в некоторых случаях участие лица в эксперименте могло быть не зафиксировано. Брошюра утверждала, что состояние здоровья ни одного из участников не ухудшилось после того, как они покинули Портон-Даун.

70. В 2001 году Министерство обороны ввело в действие Программу медицинской оценки состояния здоровья добровольцев экспериментов в Портон-Дауне для того, чтобы изучить проблемы участников экспериментов со здоровьем. В обследовании приняли участие 111 добровольцев испытаний, но в составе участников не была сформирована экспериментальная группа. В апреле 2004 года был опубликован отчет под названием "Клинические данные в отношении 111 бывших добровольцев Портон-Дауна". В отчете указывалось, что с момента основания Портон-Дауна в 1916 году в его экспериментах приняли участие более 20000 человек, что 3000 человек участвовали в испытаниях нервно-паралитического газа, а 6000 человек в испытаниях горчичного газа, при этом некоторые военнослужащие приняли участие в обоих видах экспериментов. Выводы отчета гласили:

"На основе клинических обследований не было обнаружено никаких доказательств, подтверждающих гипотезу, что участие в испытаниях, проводимых в Портон-Дауне, вызвало какие-либо отдаленные нежелательные последствия для здоровья участников или же необычные заболевания по сравнению с теми, которые наблюдаются у большинства людей той же возрастной группы".

71. С июля 2002 года Министерство обороны финансирует "научно-исследовательский пилот-проект" по изучению уровня смертности и частоты раковых заболеваний среди участников экспериментов, проводимых в Портон-Дауне. В ходе этого проекта было проведено сравнение состояния здоровья 500 бывших участников испытаний в Портон-Дауне и экспериментальной группы из 500 других военнослужащих, и было принято решение о необходимости проведения комплексного эпидемиологического исследования. В середине 2003 года такое исследование было начато, и оно было рассчитано на двухгодичный период.

72. После смерти летчика военно-воздушных сил Великобритании Мэдисона (Maddison) в мае 1953 года в результате воздействия на него газом заринном (также известного как GB-газа, агент нервно-паралитического газа, родственного GF-газу) было проведено коронерское следствие, которое показало, что это была "смерть от несчастного случая". Было подано ходатайство о проведении нового следствия; в ходатайстве, *inter alia*, утверждалось, что коронеру были представлены не все доказательства. И в ноябре 2002 года апелляционный суд (Court of Appeal) назначил новое коронерское следствие, которое было завершено 15 ноября 2004 г. заключением присяжных заседателей о том, что причиной смерти Мэдисона стало "применение агента нервно-паралитического газа в ходе эксперимента нетерапевтического характера". Надзорное производство по данному делу до настоящего времени не завершено.

В 2004 - 2005 годах в ходе поиска информации в обнародованных документах государственного архива неправительственная организация (Ветераны Портон-Дауна) (Porton Down Veterans) обнаружила два уведомительных Письма, датированных маем и августом 1953 года, от солиситора Министерства финансов Министерству обороны по делу Мэдисона и относительно применения статьи 10 Закона 1947 года.

7 февраля 2005 г. эта неправительственная организация направила данные материалы в отдел Министерства обороны по вопросам политики в отношении ветеранов - Вопросы здоровья (Veterans Policy Unit - Legacy Health Issues). В Письме адвоката Министерства финансов, датированном августом 1953 года, отмечалось следующее:

"Когда ранее мне было передано это дело, я счел, что статья 10 Закона 1947 года "О производстве в судах Короны" имеет отношение к делу, однако, я пришел к выводу, что к данному делу она неприменима. После изучения представленной мне информации мое мнение не изменилось. Пункт 1 этой статьи, касающийся причинения вреда здоровью действиями военнослужащих Вооруженных сил Великобритании, не может применяться в настоящем деле, так как воздействие GB-газом на... Мэдисона было (насколько я это понимаю) осуществлено [гражданскими] персоналом, а не военнослужащими из состава Вооруженных сил. Пункт 2 этой статьи, предположительно, также является неприменимым. [Он] предусматривает, что гражданское судопроизводство не может быть возбуждено против государства по основанию причинения смерти или физического вреда здоровью личности вследствие каких-либо страданий военнослужащего Вооруженных сил Великобритании, если он испытывает эти страдания "вследствие характера или состояния какого-либо оборудования, используемого в интересах Вооруженных сил Великобритании". Насколько я понимаю обстоятельства данного дела, ни в коей мере нельзя утверждать, что GB-газ является "оборудованием, используемым в интересах Вооруженных сил Великобритании", а исключительно экспериментальным веществом, которое никогда не использовалось в интересах Вооруженных сил Великобритании. Если это верно, статья 10 Закона 1947 года не освобождает ни государство, ни Министерство обороны от ответственности".

II. Применимое национальное законодательство и правоприменительная практика

A. Гражданские иски военнослужащих Вооруженных сил Великобритании к государству

1. До 1947 года

73. Тот факт, что государство не несло ни прямой, ни субсидиарной ответственности за совершение гражданского правонарушения, считался сложившейся и абсолютной нормой.

74. Эта норма была сбалансирована несколькими способами. Допускались иски к нарушающим правила военнослужащим, и в этом случае государство всегда (если ответчик действовал в соответствии со своими служебными обязанностями) брало на себя обязательство возместить убытки. В тех случаях, когда лицо, причинившее вред, не могло быть установлено, для возбуждения искового производства назначался ответчик. Кроме того, с 1919 года военнослужащий, получивший травму в ходе военных действий, приобретал право на получение пенсии по инвалидности, а его супруга имела право на получение пенсии. Впоследствии объем этих прав был расширен и стал включать право на пособие по инвалидности или смерти в результате получения травмы в ходе прохождения военной службы любого рода (как в ходе военных действий, так и иных случаях). Особенность этих последовательных программ заключалась в том, что право на получение такой пенсии не зависело от доказательства вины государства.

75. В дополнение к резкой критике позиции властей как стороны в судебном деле в законодательных актах 1920-х годов устанавливалась ответственность государства за гражданское правонарушение. Полномочия редакционного комитета 1924 года заключались в подготовке проекта, который предусматривал бы, *inter alia*, что государство может быть ответчиком по гражданскому иску. Пункт 11 законопроекта, представленного в 1927 году (который так и не был принят), под заголовком "Материальные права" устанавливал, что "В соответствии с положениями настоящего Закона, независимо от того, предусмотрено ли Законом иное, государство несет ответственность за совершение

гражданского правонарушения". Данная норма была ограничена предусмотренным в пункте "g" статьи 29 (1) условием, которое гласило:

"Если иное не предусмотрено Законом, ничто в настоящем Законе -

... g) не дает военному служащему Вооруженных сил Великобритании право заявлять иск против государства в отношении любого вопроса, касающегося или вытекающего из или в связи с дисциплинарными правилами или обязанностями того рода вида вооруженных сил, в которых служит военнослужащий, или связанных с этими правилами и обязанностями уставов, или в отношении исполнения или принудительного исполнения таковых правил или предполагаемого исполнения или принудительного исполнения таковых военным служащим данного вида вооруженных сил, или в отношении иных вопросов, связанных с или вытекающих из любого из вышеуказанных вопросов...".

2. Закон 1947 года "О производстве в судах Короны" (далее - Закон 1947 года)

76. Закон 1947 года внес серьезные изменения, как материально-правового, так и процессуального характера, в вопрос обязанности государства быть ответчиком по иску.

77. Закон 1947 года состоял из четырех частей: часть I "Материальное право" (статьи 1 - 12 Закона); часть II "подсудность и судопроизводство"; часть III "вынесение решения и исполнение решения"; и часть IV "иные положения".

78. Статья 1 Закона говорит о возможности подать иск против государства, скорее, как о праве, чем как о петиции о праве, санкционированной королевским указом.

79. Статья 2 Закона 1947 года предусматривает:

"2. Гражданская ответственность государства

1) В соответствии с положениями настоящего Закона государство несет все виды гражданской ответственности, какую оно бы несло в том случае, если бы являлось совершеннолетним и полностью дееспособным физическим лицом:

a) в отношении деликтов, совершенных государственными служащими или агентами;

b) в отношении любого нарушения тех обязанностей, которые лицо несет в отношении своих служащих или агентов по общему праву как работодатель этих лиц;

и

c) в отношении нарушения обязанностей, которые по общему праву регулируют право собственности, владения, распоряжения или осуществления контроля над собственностью;

Предусматривается, что в отношении государства не должно возбуждаться судебное производство на основании **подпункта "а" настоящего пункта** в отношении любого действия или бездействия государственного служащего или агента, если только это действие или бездействие, не явились, за исключением положений настоящего Закона, основанием иска из гражданского правонарушения против этого служащего или агента или его собственности".

80. Закон 1947 года устанавливал, что отношение к военным служащим вооруженных сил должно быть дифференцированным. В случае смерти военного служащего или получения им ранения при выполнении своих служебных обязанностей государству нельзя было предъявить иск, основанный на гражданском правонарушении, если министр обороны официально подтвердит, что смерть или ранение военного служащего будут рассматриваться как связанные с прохождением службы с целью предоставления права на получение военной пенсии. В частности, статья 10 Закона 1947 года "Нормы, регулирующие положение военных служащих вооруженных сил" предусматривала:

"1) Никакое действие или бездействие военного служащего Вооруженных сил Великобритании при выполнении им своих служебных обязанностей не влечет ни для этого лица, ни для государства гражданской ответственности за причинение смерти или

физического вреда здоровью другого лица, поскольку смерть или физический вред здоровью этого лица обусловлены неблагоприятными последствиями для военнослужащего в период прохождения им военной службы в рядах Вооруженных сил Великобритании, если -

а) в то время, когда это другое лицо испытывает лишения, оно либо находится при исполнении служебных обязанностей как военнослужащий Вооруженных сил Великобритании, либо находится, хотя и не при исполнении служебных обязанностей, на территории, в помещении, на корабле, воздушном судне или автотранспортном средстве в период их использования в интересах Вооруженных сил государства, и

б) [Министр обороны] подтвердит, что эти лишения рассматриваются или будут рассматриваться как связанные с прохождением воинской службы с целью предоставления права на получение пособия на основании королевского разрешения, правительственного декрета или указа Его Величества по вопросу нетрудоспособности или смерти военнослужащих вооруженных сил, в состав которых он входит:

Предусматривается, что данный пункт не освобождает военнослужащего соответствующих вооруженных сил от гражданской ответственности в том случае, если суд убежден, что действие или бездействие не было связано с исполнением его служебных обязанностей как военнослужащего вооруженных сил.

2) Против государства не может быть возбуждено гражданское судопроизводство в связи со смертью или причинением физического вреда здоровью лица вследствие каких-либо страданий военнослужащего Вооруженных сил Великобритании, если -

а) эти лишения были вызваны характером или условиями вышеуказанных территории, помещения, корабля, воздушного судна или автотранспортного средства, или характером или состоянием оборудования, используемого в интересах Вооруженных сил государства;

и

б) [Министр обороны] представит официальное подтверждение, как указано в предыдущем [пункте](#):

Кроме того, никакое действие или бездействие должностного лица Великобритании не влечет для него гражданской ответственности за причинение смерти или физического вреда другому лицу, поскольку смерть или физический вред здоровью этого лица обусловлены лишениями военнослужащего Вооруженных сил Великобритании, которые удовлетворяют вышеназванным условиям.

3) ...министр обороны, если признает фактом: -

а) что лицо в какой-либо конкретный момент находилось или не находилось при исполнении своих служебных обязанностей как военнослужащий Вооруженных сил Великобритании; или

б) что в определенный период времени территория, помещение, корабль, воздушное судно, автотранспортное средство или оборудование использовались или не использовались в интересах вышеуказанных вооруженных сил;

может выдать свидетельство, которым подтверждает, что это является фактом; любое такое свидетельство является по смыслу настоящей статьи определяющим в отношении того факта, который он подтверждает".

Текст статьи 2 Закона 1947 года "в соответствии с положениями настоящего Закона" свидетельствовал о соответствии статьи 2 статье 10 Закона 1947 года.

3. Закон 1987 года "О производстве в судах Короны (Вооруженные силы)" (далее - Закон 1987 года)

81. Предусмотренная в статье 10 Закона 1947 года оговорка была отменена Законом 1987 года "О производстве в судах Короны (Вооруженные силы)" и не имела обратной силы. Следовательно, после 1987 года гражданские иски, поданные военнослужащими

вооруженных сил (или их правопреемниками), которые погибли или получили ранение в результате действий, имевших место до 1987 года, не могли быть рассмотрены и разрешены в судебном порядке в том случае, если министр обороны выдавал соответствующее свидетельство. Только при внесении законопроекта на рассмотрение член Парламента объяснил, почему данный законодательный акт не имеет обратной силы ("Хансард" (Hansard), HC, от 13 февраля 1987 г., col. 572):

"Правительства выступали против законов с обратной силой как основной концепции, особенно в тех случаях, когда такие законы возлагали на других лиц ответственность, имеющую обратную силу. Во-вторых, было бы абсолютно неправильным привлекать военнослужащего к ответственности, имеющей обратную силу, за действия, совершенные в прошлом, даже если ему оказывало поддержку государство в лице его работодателя. Такая ситуация потребовала бы привлечения в процесс лиц, предположительно виновных в проявлении халатности много лет назад, на которых в суде, действующем по нормам статутного и общего права, заводятся досье за совершение действий, [за] которые по Закону на момент их совершения они не несли ответственность. Это основание является серьезным аргументом против законов с обратной силой. В-третьих, ... где при решении вопроса о ранее поданных исках необходимо провести границу так, чтобы сохранить честное и справедливое отношение ко всем истцам? Как может существовать логичная граница для рассмотрения исков как [Министерством обороны], так и судами. Как могут быть удовлетворены те лица, чьи требования оказываются по другую сторону этой произвольной границы? Как можно ожидать, что [Министерство обороны], и, в конечном счете, суды, будут рассматривать старые дела, по которым уже отсутствуют необходимые письменные доказательства или показания свидетелей?

Таковы фактические вопросы, на которые, к сожалению, пока нет готовых ответов. По этой причине я считаю, что единственно рациональным будет рассчитывать на отмену статьи 10 с даты принятия Закона".

4. Закон 1980 года о сроках исковой давности (Limitation Act)

82. Статья 11 данного Закона устанавливает, что срок подачи любого иска о возмещении убытков за причинение физического вреда ограничен тремя годами с момента возникновения основания для предъявления иска.

В. Дело "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства" (Matthews v. Ministry of Defence)

83. С 1955 по 1968 год Мэттьюз проходил службу в Военно-морских силах Великобритании. В 2001 году он подал иск против Министерства обороны по факту проявления халатности (обвиняя Министерство обороны в халатности и в нарушении установленных Законом обязанностей и заявляя о субсидиарной ответственности Министерства обороны за проявление халатности и нарушение обязанностей в отношении его сослуживцев), утверждая, что ему был причинен физический вред вследствие того, что он подвергся воздействию асбестового волокна и асбестовой пыли в ходе несения воинской службы.

1. Решение Высокого Суда правосудия (High Court) - [2002] EWHC 13 (QB)(22 января 2002 г.)

84. Рассматривая предварительный вопрос о том, может ли Министерство обороны быть привлечено к делу в качестве ответчика в соответствии со статьей 10 Закона 1947

года, Высокий Суд правосудия счел эту норму несовместимой с [пунктом 1 статьи 6 Конвенции](#).

85. Принимая решение о том, является ли статья 10 Закона 1947 года процессуальным или материально-правовым ограничением прав истца, Высокий Суд правосудия пришел к выводу, что необходимо определить, лишало ли свидетельство, выдаваемое на основании статьи 10 Закона, не только права Мэттьюза подавать иск о возмещении ущерба, но и его основного права, вытекающего из обязанности государства проявлять должную заботу:

"Если после принятия Закона 1947 года его основное право заключалось в том, что он не должен подвергаться воздействию асбеста в обстоятельствах, свидетельствующих о халатности или нарушении установленных Законом обязанностей, статья 10 этого Закона лишала его только дополнительного права требовать возмещения ущерба за нарушение этого права; и это означало бы только наличие процессуального ограничения его дополнительного права требовать предпочтительного средства правовой защиты за нарушение его основного права".

Приходя к выводу, что статья 10 являлась процессуальным препятствием существующего права на предъявление гражданского иска и, тем самым, признавая [статью 6 Конвенции](#) применимой, Высокий Суд правосудия ссылался, в частности, на Постановление Европейского суда по делу "Тиннелли и сыновья Лимитед" и другие и МакЭлдафф и другие против Соединенного Королевства" (*Tinnelly & Sons Ltd and Others and McElduff and Others v. the United Kingdom*) (см. Постановление Европейского суда от 10 июля 1998 г., Reports 1998-IV) и Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Фогарти против Соединенного Королевства" (*Fogarty v. the United Kingdom*) (жалоба N 37112/97, ECHR 2001-XI).

86. Следовательно, такое ограничение прав должно соответствовать критерию соразмерности. По этому вопросу Высокий Суд правосудия заключил, что недостатки программы выплаты пенсий заключались в том, что доступ к этой программе являлся "исключительно, недопустимо" высокой платой за преимущество, выражающееся в отсутствии необходимости доказывать вину, преимущество, применение которого было бы возможно только, если вопрос вины противной стороны вызывал сомнения. Высокий Суд правосудия не был также убежден и в том, что Решение об отмене Закона 1947 года в будущем как не имеющего обратной силы, было соразмерным, учитывая, *inter alia*, что установление ответственности за действие, которое не являлось основанием для привлечения к ответственности в момент совершения этого действия, было значительно менее негативным решением, чем отказ в надлежащем возмещении ущерба лицам, пострадавшим в результате проявления халатности.

2. Решение апелляционного суда (Court of Appeal) - [2002] EWCA Civ 773 (от 29 мая 2002 г.)

87. Апелляционный суд удовлетворил апелляционную жалобу Министерства обороны и постановил, что статья 10 имела материально-правовой, а не процессуальный характер, а ссылка Высокого Суда правосудия на упомянутое выше дело "Фогарти против Соединенного Королевства" была ошибочной. Председатель апелляционного суда (Master of the Rolls) отметил:

"Предусмотренное статьей 10 требование о выдаче министром обороны свидетельства как необходимого условия для аннулирования основания искового заявления истца является необычным и не поддается анализу, и не может рассматриваться просто в качестве альтернативы для установления процессуального ограничения в отношении иска".

88. Придя к такому выводу, апелляционный суд отклонил возражение Министерства обороны, основанное на деле "Пеллегрен против Франции" (*Pellegrin v. France*) (см.

[Постановление](#) Большой палаты Европейского суда, жалоба N 28541/95, ECHR 1999-VIII) и, на более позднем деле "R. против Бельгии" (R. v. Belgium) (см. Постановление Европейского суда от 27 февраля 2001 г., жалоба N 33919/96) по вопросу применимости [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции, и постановил, что дело "Пеллегрен против Франции" касалось исключительно "споров государственных служащих относительно условий государственной службы", тогда как дело, представленное на рассмотрение в апелляционный суд, было связано с характером и действием статьи 10 Закона 1947 года в отношении гражданского иска, предъявленного Министерству обороны.

3. Решение Палаты лордов (House of Lords) - [2003] UKHL 4

89. Заявитель обжаловал решение апелляционного суда, утверждая, что этот суд не принял во внимание ясный принцип, установленный делом "Фогарти против Соединенного Королевства". Министерство обороны не использовало доводы по [делу](#) "Пеллегрен против Франции".

90. Палата лордов (в составе лорда Бингема Корнхиллского (Lord Bingham of Cornhill), лорда Хоффмана (Lord Hoffmann), лорда Хоупа Крейгхедского (Lord Hope of Craighead), лорда Миллетта (Lord Millett) и лорда Уокера Гестингторпского (Lord Walker of Gestingthorpe) единогласным решением отклонили апелляционную жалобу. Палата лордов сочла необходимым провести различие между процессуальными и материально-правовыми ограничениями права лица на доступ к правосудию, так как [статья 6](#) Конвенции касалась процессуальной справедливости и целостности судебной системы Великобритании, а не материально-правового содержания ее национального законодательства. Однако Палата лордов признала трудным установить границу между материальными и процессуальными нормами, учитывая, что судебная практика учрежденных [Конвенцией](#) органов свидетельствовала о наличии некоторых трудностей по этому вопросу. Изучив текст статьи 10 Закона 1947 года, исторические предпосылки, намерение законодателя и фактическое действие этой статьи, а также проведя всесторонний анализ судебной практики органов, учрежденных Конвенцией, и применимых принципов, Палата лордов пришла к выводу, что статья 10 Закона 1947 года подтверждала отсутствие гражданской ответственности государства по отношению к своим служащим за причиненный им вред, связанный с прохождением службы, и, отменяя необходимость доказывать такую связь, служила для того, чтобы облегчить военным служащим альтернативу получения пенсии без установления вины. Таким образом, эта статья представляла собой материально-правовое ограничение гражданской ответственности государства в отношении государственных служащих за причинение вреда, к которому не применимы положения [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции.

91. После обзора судебной практики Европейской комиссии и Европейского суда лорд Бингем отметил, что, как бы не было сложно провести разделительную черту между процессуальными и материально-правовыми ограничениями того или иного права по национальному законодательству, однако, точный анализ гарантированных национальным законодательством материальных прав истца являлся главным и первым шагом при решении вопроса о наличии у него "гражданского права" по смыслу [статьи 6](#) Конвенции, в том значении, какое придает такому праву [Конвенция](#).

Лорд Бингем также отметил изменение статьи 10 с течением времени, считая очевидным, что у членов Парламента не было никакого намерения предоставлять лицу материальное право требовать возмещения ущерба. Он подчеркнул, что "некоторые нормы общего права были лучше установлены или носили более абсолютный характер, чем та норма, которая препятствовала возможности предъявить гражданский иск к государству"; и поскольку "не имело место какое-либо правонарушение, на которое мог бы пожаловаться истец (так как Король не может совершить правонарушение), средство правовой защиты в виде петиции о праве являлось недоступным". Иски, именуемые как

"привилегированные иски" к государству о возмещении ущерба за, *inter alia*, вред, причиненный военнослужащими при исполнении своих служебных обязанностей, являлись "абсолютно запрещенными". Когда в 1920-х годах появилось предложение о проведении реформ, "в отношении привилегированных исков не было предложено ни одного основания для подачи иска". Проект Закона "О производстве в судах Короны", представленный на рассмотрение в Парламент в 1947 году, вновь предусматривал, что привилегированные иски должны быть "абсолютно запрещены", а требования, удовлетворяющие основному условию, будут компенсироваться посредством назначения пенсии на основе отсутствия вины.

Когда в будущую статью 10 (1) единогласным решением были внесены поправки, парламентарии не имели намерения изменить "суть правовой нормы в старой редакции". Целью новой процедуры выдачи свидетельства являлось "облегчение положения лиц, лишенных права на подачу иска по общему праву, и предоставление им возможности на получение пенсии, минуя необходимость доказывать наличие связи, что являлось существенным условием для назначения пенсии". Несмотря на то, что выдача свидетельства на основании статьи 10 (3) Закона 1947 года являлась дискреционным полномочием, о чем свидетельствует диспозитивное "может", однако статья 10 (1) "b" не содержит подобной диспозитивной формулировки в отношении выдачи свидетельства. "Законодатели просто хотели, чтобы в случае соблюдения условий министр обороны выдавал свидетельство, что являлось неизменной практикой всех министров обороны в течение последующих 40 лет". Хотя на протяжении лет формулировка статьи менялась, "английские суды всегда рассматривали статью 10 (1) как не допускающую заявления требования по общему праву". Фактически именно "абсолютный характер исключения, предусмотренного статьей 10 (1)" (вместе с существующим до 1987 года несоответствием между размером пенсии и иском о возмещении ущерба по общему праву) свидетельствовал о необходимости отмены статьи 10 и привел к принятию Закона 1987 года.

При решении вопроса о том, устанавливала ли статья 10 (1) процессуальное ограничение или лишала лицо какого-либо материального права, необходимо учитывать фактические обстоятельства дела, и в этом отношении практика министра обороны являлась "единообразной и неизменной", поэтому любой адвокат мог бы сказать Мэттьюзу, что свидетельство, выдаваемое на основании статьи 10, "являлось обязательным". Лорд Бингем счел, что дело "Фогарти против Соединенного Королевства" "существенно отличалось" от рассматриваемого дела "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства", и на основаниях, аналогичных причинам апелляционного суда и лорда Уокера (см. ниже), пришел к выводу, что жалоба должна быть отклонена.

92. По вопросу различия между материально-правовыми и процессуальными ограничениями использования средств судебной защиты, лорд Уокер провел всесторонний анализ судебной практики учрежденных [Конвенцией](#) органов и отметил то, что, по его мнению, являлось несоответствиями и трудностями при ее применении:

"127. О различии между материально-правовыми и процессуальными ограничениями использования средств судебной защиты часто упоминает судебная практика Европейского суда и Европейской комиссии в отношении [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции, однако в разных делах прослеживаются разные мнения. И это неудивительно. Различие, которое достаточно легко определить в исключительных случаях, очень трудно установить, когда речь идет о четкой границе, особенно в связи с тем, что разные правовые системы проводят эту границу по-разному...

/.../

130. Я уже ссылался на несколько наиболее важных дел, но считаю очень полезным проследить, как изменились две противоположные позиции со времени вынесения

Решения по первичному прецеденту "Голдер против Соединенного Королевства" (Golder v. United Kingdom) в 1975 году.

В некоторых делах подчеркивается важность недопущения любого произвольного или несоразмерного ограничения права участника судебного разбирательства на обращение в суд, независимо от того, является ли такое ограничение по своей природе процессуальным. Другие дела придают значение разнице между материальным содержанием и процессуальным.

131. В качестве первого примера необходимо привести дело "Ашингден против Соединенного Королевства" (Ashingdane v. United Kingdom)...

Пункт 1 статьи 141 [Закона о психическом здоровье (Mental Health Act)] установил материально-правовые ограничения на право на предъявление иска (требующие наличие недобросовестности или халатности), а пункт 2 ввел процессуальное ограничение (обязательное получение разрешения Европейского суда для возбуждения судопроизводства по делу). Европейская комиссия... согласилась с мнением сторон о том, что вопрос, "имеет ли мера материально-правовой или процессуальный характер, является несущественным. Достаточно отметить, что статья 141 представляла собой безотзывный запрет, который эффективным образом ограничивал право истца на предъявление гражданского иска". Однако Европейская комиссия сочла, что ограничения не являлись произвольными или неоправданными и были установлены для защиты медперсонала от необоснованного или недобросовестного судебного процесса. Европейский суд... пришел к аналогичному выводу.

132. По делу "Пиндер против Соединенного Королевства" (Pinder v. United Kingdom)... (от которого существенно не отличаются дела в отношении Кеттерика (Ketterick) и Дайера (Dyer) Европейская комиссия заключила, ... что статья 10 Закона 1947 года привела к замене права возбуждать иск о возмещении убытков на право получения пенсии без необходимости устанавливать вину, и что это право отменило гражданское право истца: "Таким образом, из этого следует, что власти Соединенного Королевства не обязаны доказывать свой иммунитет от привлечения к ответственности, что является частью английского гражданского права, ссылаясь на "довлеющую общественную необходимость", против чего возражал заявитель". Тем не менее, далее Европейская комиссия... сослалась на свой доклад по делу "Ашингден против Соединенного Королевства" и отметила, что "Эти принципы применимы не только в отношении процессуальных ограничений, таких как изменение подсудности, что имело место в деле "Ашингден против Соединенного Королевства", но и в отношении материально-правового иммунитета от привлечения к ответственности, как в настоящем деле. Следовательно, вопрос заключается в том, являлась ли статья 10 Закона 1947 года произвольным ограничением прав заявителя в отношении предъявления материальных гражданских исков".

133. Европейская комиссия постановила, что статья 10 не являлась произвольной или несоразмерной...:

134. **Дело** "Пауэлл и Райнер против Соединенного Королевства" (Powell and Rayner v. United Kingdom)... касалось действия статьи 76 (1) Закона 1982 года "О гражданской авиации" (Civil Aviation Act) в отношении лиц, жаловавшихся на чрезмерно высокий уровень шума, вызываемого эксплуатацией самолетов, следующих из и в аэропорт Хитроу (Heathrow Airport). Статья 76 (1) исключает ответственность за причинение вреда или за неудобства, причиняемые шумом от полетов самолета, поскольку во всех случаях высота полета была обоснованной, а сам полет не нарушал ни положения данного Закона, ни изданного в соответствии с ним приказа. Отклонив единогласным решением жалобу истцов на основании **пункта 1 статьи 6** Конвенции, Европейский суд по правам человека просто сослался на тот факт, что по английскому праву заявители не имели материального права на средство правовой защиты. Европейский суд отклонил дополнительный довод о

том, что оставшееся у истцов право на предъявление иска (в тех случаях, которые не были исключены пунктом 1 статьи 76) являлось иллюзорным.

135. Подход Европейского суда к делу "Файед против Соединенного Королевства" (Fayed v. United Kingdom)... был менее прямолинейным. Изучение Европейским судом применимых к делу принципов содержало... следующий пункт...: "Наличие у лица права на предъявление иска, предусмотренного внутренним законодательством, может зависеть не только от материального содержания соответствующего гражданского права, установленного национальным правом, но также и от наличия процессуальных препятствий, лишающих или ограничивающих возможность подачи потенциальных исков в суд. В последнем случае пункт 1 статьи 6 Конвенции может быть, в некоторый степени, применен. Безусловно, Конвенционные органы принудительного исполнения решений не могут создать путем толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции материального гражданского права, которое не имеет в соответствующем государстве законных оснований. Тем не менее, если, например, Высокая Договаривающаяся Сторона могла бы, без установления ограничений или контроля со стороны Конвенционных правоприменительных органов, исключить из подсудности своих судов весь круг гражданских исков или предоставить большим группам или категориям лиц иммунитет от привлечения к гражданской ответственности, то такая ситуация была бы несовместима с принципом верховенства права в демократическом обществе или с основным принципом пункта 1 статьи 6 Конвенции - а именно, что лицо должно иметь возможность представить гражданский иск на рассмотрение в суд".

136. Трудно сказать, насколько глубокий смысл имеет этот параграф. Далее Европейский суд сослался... на разницу между материально-правовыми и процессуальными ограничениями: "Не всегда просто провести четкую границу между процессуальными и материальными ограничениями того или иного права, предусмотренного национальным законодательством. Иногда вопрос о том, в рамках права или его средства защиты выражено ограничение, является лишь вопросом законодательной техники". Европейский суд не пытался далее разрешить эту проблему на том основании, что, так или иначе, ему пришлось бы рассматривать вопросы о законной цели и соразмерности по смыслу статьи 8 Конвенции (право на уважение частной жизни), хотя в действительности жалоба на основании статьи 8 Конвенции не была подана.

137. В делах "Стаббингс против Соединенного Королевства" (Stubbings v United Kingdom)... и "Тиннелли и сыновья Лимитед" против Соединенного Королевства" (Tinnelly & Sons Ltd v. United Kingdom) Европейский суд рассматривал вопрос о том, были ли обоснованными ограничения права на обращение в суд (содержащиеся в статье 2 Закона 1980 года "О сроках исковой давности" (Limitation Act) и статье 42 Закона 1976 года "О найме на работу без дискриминации (в Северной Ирландии)" (Fair Employment (Northern Ireland) Act) соответственно), не обращая внимания непосредственно на различие между материально-правовыми и процессуальными ограничениями. В деле "Уэйт и Кеннеди против Германии" (Waite and Kennedy v. Germany)..., Европейская комиссия... назвала иммунитет процессуальным препятствием, и поэтому требующим обоснования. Европейский суд пришел к аналогичному выводу, считая... доступ истцов к точно не указанным процедурам с целью альтернативного разрешения спора существенным фактором.

138. Два последних дела имеют особое значение. По делу "Z. против Соединенного Королевства" (Z. v. United Kingdom)..., Европейский суд... постановил, что в Решении лордов по делу "X против Совета графства Бедфордшир" (X v. Bedfordshire County Council [1995] 2 AC 633) не имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции относительно ответственности органа местного самоуправления в отношении детей, которые страдали от невыполнения обязанностей по отношению к ним и от жестокого обращения в течение пяти лет, несмотря на то, что этот факт был известен местным властям (которые, однако, не приняли никакого решения о взятии детей под опеку). ... Комплексная оценка

Европейским судом пункта 1 статьи 6 Конвенции... заслуживает тщательного изучения, но ее суть сводится к следующим параграфам...: ... "Европейский суд пришел к выводу, что причина неспособности заявителей предъявить иск местным властям заключалась не в иммунитете, а в применимых принципах, регулирующих материальное право на предъявление иска в соответствии с внутренним законодательством. Ограничение на доступ к правосудию, подобное тому, которое обжаловалось в Постановлении Европейского суда по делу "Ашингден против Соединенного Королевства", не имело места". Делая эти выводы, большинство судей Европейского суда просто отметили, что решение Европейского суда по делу "Осман против Соединенного Королевства" (*Osman v. United Kingdom*) было основано на неверном понимании английских правовых норм о халатности.

139. Наконец необходимо упомянуть дело "Фогарти против Соединенного Королевства" (*Fogarty v. United Kingdom*).... Решение по этому делу было вынесено через 6 месяцев после Постановления по делу "Z. против Соединенного Королевства", и согласно правилам Европейского суда некоторые судьи, участвовавшие в вынесении этого Решения (и некоторые из которых имели особое мнение), являлись судьями, рассматривавшими дело "Z. против Соединенного Королевства". В Постановлении по делу "Фогарти против Соединенного Королевства" Европейский суд дословно повторил... параграф из Постановления по делу "Файед против Соединенного Королевства", который я уже цитировал. Европейский суд отклонил... довод властей Соединенного Королевства о том, что в силу государственного иммунитета истец не имел материального права по внутреннему законодательству. Европейский суд придал особое значение способности Соединенных Штатов Америки отказываться (в действительности, в Постановлении говорится "принять решение не требовать") от иммунитета, как свидетельство того, что правовое ограничение имеет процессуальный характер. Тем не менее, Европейский суд пришел к выводу... что: "меры, принятые Высокой Договаривающейся Стороной, которые отражают общепризнанные нормы международного публичного права в отношении иммунитета государства, в принципе, нельзя рассматривать как устанавливающие несоразмерное ограничение на право обращения в суд по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Подобно тому, как право обращения в суд является неотъемлемой частью закрепленной в этой статье Конвенции гарантии справедливого судебного разбирательства, так и некоторые ограничения этого права должны аналогично считаться неотъемлемыми составляющими, в качестве примера можно привести ограничения, общепринятые международным сообществом как часть доктрины об иммунитете государств". ...

140. При попытке согласовать несоответствия в судебной практике Европейского суда и Европейской комиссии привлекательным было бы предположить, что значительные и достаточно гипотетические замечания Европейского суда в деле "Файед против Соединенного Королевства" (которые не стали основаниями его Решения) обозначили изменение позиции, которое в деле "Z. против Соединенного Королевства" оказалось тупиком. Однако такое объяснение тотчас сталкивается с трудностью, которая заключается в том, что в Постановлении по делу "Фогарти против Соединенного Королевства", через шесть месяцев после Решения по делу "Z. против Соединенного Королевства", Европейский суд (в состав которого вошли многие из судей, рассматривавших то дело) предпочел повторить, слово в слово, выводы из Постановления по делу "Файед против Соединенного Королевства". Неопределенность дела "Осман против Соединенного Королевства" до сих пор присутствует в этой области права.

141. Тем не менее, [адвокат Мэттьюза] признал, что для того, чтобы добиться удовлетворения жалобы, ему необходимо убедить Палату лордов в том, что статья 10 Закона 1947 г. являлась процессуальным препятствием. Он счел, что эта задача равнозначна попытке убедить лордов в том, что при возбуждении судопроизводства у Мэттьюза было основание для предъявления иска против [Министерства обороны], и что

это основание было исключено (аннулировано) применением [Министерством обороны] процедуры в соответствии со статьей 10. Он расценил такую ситуацию как тождественную использованию властями Соединенных Штатов Америки в деле "Фогарти против Соединенного Королевства" средства защиты в виде государственного иммунитета (точнее, их решения не отказываться от государственного иммунитета). [Адвокат Мэттьюза] утверждал, что и в том, и в другом деле защитник ссылаясь на процессуальное препятствие для того, чтобы отклонить материальное требование, что являлось правомерным после начала судопроизводства.

142. Я считаю, что признание [адвоката Мэттьюза] было верным. Несмотря на наличие трудностей при проведении границы между материальным правом и процедурой, суть различия, в принципе, ясна, и таким же очевидным является то, что [статья 6](#) Конвенции касается процессуальной справедливости и целостности судебной системы государства, а не материального содержания его национального законодательства. Мнение о том, что государству следует принять решение о замене системы компенсаций без необходимости устанавливать вину за причинение вреда, что, в противном случае, могло бы привести к предъявлению гражданского иска, соответствует [пункту 1 статьи 6](#) Конвенции, о чем указала Европейская комиссия в Решении по делу Дайера... (в докладе, непосредственно касающемся статьи 10 Закона 1947 года, который использовался с одобрения Европейского суда в некоторых последующих делах).

143. При данных обстоятельствах довод [Мэттьюза] еще теснее связан с тем фактом, что, когда Мэттьюз подавал свое исковое заявление, у него было основание для предъявления иска, и что этот иск нельзя исключать как не имеющий решения до тех пор, пока министр обороны не выдаст свидетельство на основании статьи 10. Однако европейское законодательство по правам человека касается не внешней формы или устной юридической формулировки, а фактических обстоятельств дела (дело "Ван Дроогенбрук против Бельгии" (*Van Droogenbroeck v. Belgium...*)). Аргументы [Мэттьюза] не учитывают реального положения ситуации. Общеизвестно, что на практике министр обороны выдает свидетельства в тех случаях, когда это необходимо (в юридическом и практическом смысле). При решении вопроса об отказе от государственного иммунитета он не обладает широкой свободой действий по сравнению с полномочиями иностранного государства (что ни в коем случае не может являться предрешенным выводом, особенно в непростых с политической точки зрения случаях, связанных с наймом на работу). Решение об отказе от иммунитета в деле "Фогарти против Соединенного Королевства", действительно, являлось решением о процессуальном препятствии, но я совершенно не согласен с тем, что эти два дела связаны. Факт в том, что статья 10 Закона 1947 года, как во многих делах, имевших место до 1987 года, так и в настоящих делах со скрытым вредом, причиненным до 1987 года, заменяла предъявление иска о возмещении вреда системой компенсаций без необходимости устанавливать вину. Это являлось и является вопросом материального права, а норма о выдаче официального свидетельства (с тем, чтобы избежать или, по меньшей мере, сократить риск несовместимых решений о наличии причинной связи) не меняет этого. Пункт 1 "b" статьи 10, взятый отдельно, представляет собой норму о защите лиц, подавших иски против [Министерства обороны]. Я полностью согласен с анализом лорда Бингема в отношении истории принятия Закона 1947 года, а также с его выводами по этому вопросу.

144. При данных обстоятельствах я не считаю ни необходимым, ни желательным стремление определить, будет ли статья 10, в качестве процессуального ограничения, соответствовать критерию соразмерности. И в том, и в другом случае будут иметь место серьезные доводы, и, поскольку нет необходимости выразить свою точку зрения, я предпочитаю этого не делать".

93. Лорд Хоффман согласился с обоснованием и выводами лорда Уокера и добавил некоторые замечания. Он отметил, что адвокат Мэттьюза (который также являлся адвокатом заявителя по настоящему делу) признал, что, если бы Закон 1947 года просто

устанавливал, что военнослужащие не имели права на предъявление иска, то это не нарушало бы [статью 6](#) Конвенции. Однако Мэттьюз утверждал, что в силу структуры Закона 1947 года он имел гражданское право (основание для подачи гражданского иска) до тех пор, пока в соответствии со статьей 10 не выдавалось свидетельство; в случае отсутствия свидетельства он мог бы подать свой иск в судебные органы; и, следовательно, статья 10 предоставляла министру обороны полномочие по своему усмотрению отклонить иск заявителя и не позволить ему представить этот иск в суд. Лорд Хоффман отметил, что, если бы целью пунктов 1 "b" и 2 "b" статьи 10 Закона 1947 года являлось предоставление министру обороны дискреционных полномочий "не допускать обращение лиц в суды с исками против государства", он бы согласился с этим, так как подобное вмешательство исполнительного органа противоречило бы принципу верховенства права и принципу разделения властей. Тем не менее, ссылаясь на исторический анализ лорда Бингема, он считал очевидным, что статья 10 Закона 1947 года определяла пределы материального основания для предъявления иска, и выдача свидетельства по статье 10 являлась лишь обязательным подтверждением министром обороны "связанного с несением военной службы" требования на получение пенсии, *quid pro quo* за неспособность подать гражданский иск. Кроме того, он не считал тождественными дела "Тиннелли и сыновья Лимитед" и другие и МакЭлдафф и другие против Соединенного Королевства" (в деле Мэттьюза не имело место посягательство исполнительного органа на функции судебной ветви власти) и "Фогарти против Соединенного Королевства" (принимая во внимание свободу действий, которую имеют иностранные правительства в вопросе подчиняться или не подчиняться юрисдикции).

94. Лорд Хоуп провел более детальный анализ судебной практики Европейского суда и Европейской комиссии, а также принципов, исторической предпосылки Закона 1947 года, текста и действия статьи 10 этого Закона и процесса выдачи свидетельства по статье 10. Он отметил:

"72. Все свидетельствует о том, что статья 10 относится к той же части [I] Закона, что и статья 2. Статья 2, которая устанавливает основные нормы гражданской ответственности государства, должна быть "в соответствии с положениями настоящего Закона". Статья 10 является неотъемлемой частью всей системы ответственности, которая определена в части I Закона. Этот Закон был совершенно новым. Нельзя утверждать, что при принятии Закона какое-либо из положений этой части Закона, которые закрепляли иммунитет государства от искового производства в определенных случаях, лишало кого-либо имевшегося у него ранее права подавать иски.

73. Что касается самой статьи 10 Закона 1947 года, ... она основана на предположении, что, если жалоба подана в соответствии со статьей 2 Закона, министр обороны, исходя из фактов дела, должен решить, подпадает ли данное дело под действие понятия об иммунитете. Министр обороны осознает, что он не может использовать оба способа. Он не может заявить об иммунитете, не сделав заявления об этом в форме свидетельства в соответствии с установленными условиями. Это было сделано для того, чтобы не позволить ему, как министру, ответственному за программу назначения военных пенсий, оспаривать вопрос о том, были ли лишения лица связаны с несением военной службы с целью предоставления лицу права на получение пенсии по этой программе. Это вопрос материального права. Он является важной составляющей всей схемы реформирования законодательства, установленной Законом 1947 года. Он не лишает истца того, что тот имел раньше. Напротив, этот вопрос был включен в проект Закона в интересах истца".

В заключение лорд Хоуп, полностью согласный с причинами, представленными лордом Уокером, отметил, что статья 10 представляла собой материально-правовое ограничение права подавать гражданский иск против государства.

95. Мнение лорда Миллетта также содержит всесторонний анализ судебной практики Европейского суда, исторической предпосылки и текста статьи 10 Закона 1947 года и цели свидетельства, выдаваемого на основании статьи 10 этого Закона. Он указал:

"В случае возбуждения военнослужащим искового производства против государства о возмещении ущерба сразу возникает вопрос, был ли вред причинен ему при обстоятельствах, в силу которых он имеет право на получение пенсии, поскольку, если это так, государство не несет ответственность за причинение вреда. В некоторых случаях бывает так, что министр обороны уже признал, или суд уже установил, что указанная военнослужащим причина ущерба связана с прохождением военной службы в составе Вооруженных сил Великобритании. В таком случае министр выдает свидетельство в этом отношении, а иск будет исключен по причине отсутствия основания для предъявления иска.

...При таких обстоятельствах министр обороны не вправе сам решать выдавать или не выдавать свидетельство. В его обязанности входит заверение существующих фактов дела, которые не в коем случае не приведут судебное разбирательство по делу к положительному исходу. Его обязанностью как государственного должностного лица являлось установление фактов и при необходимости их соответствующее засвидетельствование".

Лорд Миллетт счел очевидным, что свидетельство, выдаваемое на основании статьи 10 Закона 1947 года, не являлось процессуальным ограничением, имеющим целью лишить военнослужащего возможности добиться в судебном порядке признания своего гражданского права. Относительно дела "Фогарти против Соединенного Королевства", в отличие от мнения других лордов-судей, он счел, что заявленный Высокой Договаривающейся Стороной иммунитет, который соответствовал общепризнанным нормам международного права, абсолютно не подпадал под сферу регулирования [статьи 6](#) Конвенции. По основаниям, представленным каждым из лордов-судей, с мнением которых он был согласен, лорд Миллетт заявил, что также отклонил бы жалобу.

С. Военные пенсии

1. Право на получение военной пенсии

96. Действующая в настоящее время программа выплаты военных пенсий в случае, *inter alia*, болезни и получения увечья, связанных с прохождением военной службы, предусмотрена Приказом 1983 года о пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу в Военно-морских силах, Военно-воздушных силах и иных видах войск (в случае получения увечья или смерти) (Naval, Military and Air Forces Etc. (Disablement and Death) Service Pensions Order) (далее - Приказ о пенсиях).

97. Главным условием назначения пенсии является тот факт, что "увечье или смерть военнослужащего вооруженных сил связано с прохождением военной службы" (статья 3 Приказа о пенсиях). "Увечье" определено как "физическая или психическая травма или вред, или утрата физических или психических способностей" (Таблица 4 Приказа о пенсиях). В тех случаях, когда требования предъявлены по истечении более семи лет со дня окончания военной службы, пункт 1 "а" статьи 5 предусматривает, что увечье или смерть военнослужащего должны рассматриваться как "связанные с прохождением службы" в том случае, если они связаны с травмой, которая или имеет отношение к службе после 2 сентября 1939 г., или существовала до или возникла во время прохождения службы, и лицо до настоящего времени продолжает испытывать негативные последствия.

98. Приказ о пенсиях устанавливает, что в тех случаях, когда при наличии достоверных доказательств имеет место обоснованное сомнение в отношении того,

соблюдены ли вышеназванные условия, все сомнения должны толковаться в пользу истца (пункт 4 статьи 5).

2. Процедура подачи требований и жалоб в отношении пенсий

99. Схема выплаты пенсий определяется специализированным ведомством Министерства социального обеспечения, бывшим Управлением по делам о военных пенсиях, а в настоящее время - Управлением по делам ветеранов. По получении ходатайства о назначении пенсии Управление по делам ветеранов, *inter alia*, запрашивает в Министерстве обороны документы заявителя о прохождении военной службы (в том числе и медицинскую карту за время прохождения военной службы) и, в случае необходимости при помощи дополнительных медицинских свидетельств, определяет, имеет ли заявитель инвалидность, связанную с прохождением военной службы. На основании этой оценки министр обороны принимает решение о назначении пенсии за прохождение военной службы.

100. Заявитель, которому министр обороны отказал в назначении военной пенсии, вправе обжаловать это решение в апелляционном пенсионном суде (см. Закон 1943 года "Об апелляционном пенсионном суде") в соответствии с Регламентом апелляционного пенсионного суда. В состав этого суда входят юрист, врач и военнотружущий или бывший военнотружущий того же пола и звания, что и заявитель.

101. Управление по делам ветеранов представляет апелляционному пенсионному суду "Изложение дела", которое включает, *inter alia*, копию документов заявителя о прохождении военной службы, в том числе медицинскую карту как в качестве военнотружущего, так и гражданского лица, отчеты, включая те, подготовленные по просьбе Управления по делам, а также заявление министра обороны с указанием причин отклонения ходатайства. Заявитель может дать "Ответ" на "Изложение дела" и/или представить новые доказательства. Затем проводится судебное слушание. Рассмотрение жалобы апелляционным пенсионным судом проводится *de novo* с тем, чтобы апеллянту не приходилось доказывать, что решение министра обороны было неверным. Далее в Высокий Суд правосудия может быть подана новая жалоба по вопросам права с разрешением на апелляцию от апелляционного пенсионного суда или Высокого суда правосудия.

3. Предоставление документов в апелляционный пенсионный суд

102. Правило 6 Регламента апелляционного пенсионного суда (далее - Процедура по правилу 6), озаглавленное "Предоставление официальных документов и информации", устанавливает:

"6 1) В тех случаях, когда заявитель в целях удовлетворения своей жалобы считает необходимым раскрытие какого-либо документа или части документа, который, по его мнению, находится в ведении государственного ведомства, в любое время не позднее получения "Изложения дела", он вправе обратиться к председателю апелляционного пенсионного суда с просьбой об обнаружении документа или его части; и если председатель апелляционного пенсионного суда сочтет, что данный документ или его часть имеют отношение к жалобе заявителя, он может дать соответствующему ведомству указание о предоставлении этого документа (если он находится в распоряжении ведомства) таким способом и на таких условиях, какие председатель апелляционного пенсионного суда сочтет целесообразными...

2) По получении указания от председателя апелляционного пенсионного суда на основании настоящей статьи, министр обороны или министр, ответственный за соответствующее правительственное учреждение, или любое уполномоченное им лицо может засвидетельствовать -

а) что обнародование всего документа или его части противоречило бы общественным интересам; или

б) что обнародование в любой форме всего документа или его части не соответствовало бы интересам безопасности;

и в случае выдачи свидетельства на основании подпункта "а" председатель апелляционного пенсионного суда дает суду указания, необходимые для запрещения или ограничения публичного обнародования документа или его части, в зависимости от обстоятельств дела;

в случае выдачи свидетельства на основании подпункта "б" председатель апелляционного пенсионного суда указывает, что суд должен определить, будет ли делу заявителя нанесен ущерб, если жалоба будет рассмотрена без обнародования этого документа; и в том случае, если суд решит, что интересам заявителя будет нанесен ущерб без предоставления такого документа, суд должен отложить слушание по рассмотрению жалобы до тех пор, пока не отпадет необходимость неразглашения информации в интересах безопасности".

D. Применимость Закона 1990 года "О данных о состоянии здоровья" (Health Records Act) (далее - Закон 1990 года)

103. До 1991 года все медицинские карты (как гражданских лиц, так и военнослужащих) могли быть предоставлены только с отметкой "медицинская информация: конфиденциально". Вопрос о том, соответствует ли наилучшим интересам пациента тот факт, что он ознакомится со своей медицинской картой, непосредственно решал его лечащий врач. 1 ноября 1991 г. вступил в силу Закон 1990 года, который закрепил право лиц на доступ, *inter alia*, к их медицинским картам, как военных, так и гражданских. Этот Закон применим только в отношении медицинских карт, составленных после вступления Закона в силу, а также к картам, составленным "в связи с лечением заявителя".

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

104. Заявитель утверждал, что статья 10 Закона 1947 года "О производстве в судах Короны" (Закон 1947 года) нарушила его право на обращение в суд, гарантированное [пунктом 1 статьи 6](#) Конвенции, применимые части которого гласят:

"Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании Закона."

A. Доводы заявителя

105. Заявитель утверждал, что основным вопросом более ранней судебной практики (а именно в [Постановлении](#) Европейского суда по делу "Голдер против Соединенного Королевства" (Golder v. the United Kingdom) от 21 февраля 1975 г., Series A, N 18, и в [Постановлении](#) Европейского суда по делу "Ашингден против Соединенного Королевства" (Ashingdane v. the United Kingdom) от 28 мая 1985 г., Series A, N 93) являлся вопрос о конституционной защите национальных судов от контроля со стороны исполнительных органов и о произвольном использовании государственными органами властных полномочий. Европейская комиссия в своих Решениях по делам "Кеттерик против Соединенного Королевства", "Пиндер против Соединенного Королевства" и "Дайер против Соединенного Королевства" (см. Решение Европейской комиссии по делу

"Кеттерик против Соединенного Королевства" (Ketterick v. the United Kingdom) от 15 октября 1982 г., жалоба N 9803/82; Решение Европейской комиссии по делу "Пиндер против Соединенного Королевства" (Pinder v. the United Kingdom) от 9 октября 1984 г., жалоба N 10096/82; и Решение Европейской комиссии по делу "Дайер против Соединенного Королевства" (Dyer v. the United Kingdom) от 9 октября 1984 г., жалоба N 10475/83, Decisions and Report (DR) 39 p. 246) и Европейский суд в своем Постановлении по делу "Файед против Соединенного Королевства" (Fayed v. the United Kingdom) (см. Постановление Европейского суда от 21 сентября 1994 г., Series A, N 294-B, § 65) признали эту основную конституционную гарантию.

Таким образом, относительно того, можно ли считать статью 10 Закона 1947 года материальным или процессуальным ограничением права заявителя на обращение в суд, § 65 Постановления Европейского суда по делу "Файед против Соединенного Королевства" (как отмечено в упомянутом выше деле "Фогарти против Соединенного Королевства") означал, что эта статья должна соответствовать критерию соразмерности. Лорд Уокер из Палаты лордов в деле "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства" признал затруднительным предположение, что принцип, установленный в деле "Файед против Соединенного Королевства", был подтвержден Постановлением Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства" (Z. and Others v. the United Kingdom) (см. Постановление Большой палаты Европейского суда, жалоба N 29392/95, ECHR 2001-V); а заявитель считал, что последнее дело полностью соответствует Решению по делу "Дайер против Соединенного Королевства" или Постановлению Европейского суда по делу "Файед против Соединенного Королевства".

106. Вместе с тем, статья 10 являлась процессуальным ограничением его права на обращение в суд для установления гражданских прав.

У заявителя было "гражданское право" (основание для предъявления иска, признанное национальным законодательством) по смыслу [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции, которое было аннулировано выдачей свидетельства на основании статьи 10 Закона 1947 года. Концепция гражданских прав являлась, и также считал заявитель, самостоятельным понятием [Конвенции](#), не зависящим от классификаций национального законодательства. Это давало гарантию, что Высокая Договаривающаяся Сторона не сможет принять законы, способные освободить ее от обязательств по [статье 6](#) Конвенции, и предполагало, что понятие "гражданское право" может иметь иное значение или содержание во внутреннем праве государства. Тем не менее, Палата лордов в деле "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства" проанализировала наличие "гражданского права" исключительно с точки зрения национального законодательства. Верным оказалось существование нерешенной напряженности между принципом, согласно которому понятие "гражданские права" имело самостоятельное значение, с одной стороны, и принципом, согласно которому [статья 6](#) Конвенции применялась исключительно к спорам о гражданских правах, которые, по крайней мере, на спорных основаниях, можно считать признанными внутригосударственным правом, с другой стороны. Ответ предполагал, что национальное право необходимо рассматривать как право, регламентирующее наличие у права "юридического основания" по внутреннему законодательству, а не как устанавливающее наличие самого гражданского права. Соответственно, тот факт, что до выдачи свидетельства на основании статьи 10 Закона 1947 года у заявителя было основание для подачи гражданского иска, признаваемое национальным законодательством, являлся достаточным для того, чтобы сделать вывод о наличии у него "гражданского права" по смыслу [статьи 6](#) Конвенции.

Хотя заявитель не оспаривал исторический анализ, проведенный лордом Бингемом в деле "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства", он утверждал, что фактическое действие статьи 10 Закона 1947 года также являлось применимым к данному делу. У заявителя было основание для подачи иска, пока министр обороны по своему усмотрению не выдал на основании статьи 10 свидетельство, тем самым,

аннулируя это основание. Заявитель утверждал, что именно наличие дискреционных полномочий отличало его дело от дела "Z. и другие против Соединенного Королевства" и делало его похожим на дело "Фогарти против Соединенного Королевства". Возможно, статья 10 и не предоставляла широкую свободу действий, но она имела место и, если даже не использовала основание для иска, она все равно существовала. Действительно, после возбуждения судопроизводства для выдачи свидетельства потребовалось девять месяцев.

107. Принимая во внимание материалы, представленные 7 февраля 2005 г. организацией "Ветераны Портон-Дауна" Министерству обороны (см. выше § 72), и последующие замечания властей Соединенного Королевства (см. ниже § 115), заявитель считал, что единственный относящийся к его делу вопрос заключался, как признали власти Соединенного Королевства, в том, что изменение Министерством обороны политики в отношении его гражданского иска не имело никакого иного воздействия на предмет спора или замечания, представленные на рассмотрение Европейскому суду, кроме как подорвать предположение властей Соединенного Королевства о том, что свидетельства на основании статьи 10 выдавались постоянно.

108. Далее заявитель отклонил утверждение, основанное на упомянутом выше [Постановлении](#) Европейского суда по делу "Пеллегрен против Франции", о том, что [статья 6](#) Конвенции к данному делу неприменима. Отметив, что Министерство обороны не представило этот довод в Палате лордов, он подчеркнул, что принципы, установленные в деле "Пеллегрен против Франции", касались лишь споров, "заявленных служащими государственного сектора относительно условий их службы", что было позже подтверждено в деле "Фогарти против Соединенного Королевства". Поскольку было сделано предположение о том, что дело "R. против Бельгии" закрепило правило, согласно которому действие [статьи 6](#) Конвенции не распространялось на споры между государственным служащим и органом государственной службы, это было бы и несовместимо с [Постановлением](#) Европейского суда по делу "Пеллегрен против Франции", и, в принципе, неверно. Если допустить, что дело "Пеллегрен против Франции" установило такое широкое правило, то это Постановление являлось неправильным.

109. По мнению заявителя, ограничение его права на обращение в суд являлось также несоразмерным. Высокий Суд правосудия определил, что ограничение права на доступ к правосудию преследовало законную цель (эффективность действия и дисциплина в ходе обучения). Тем не менее, в 1987 году Парламент ясно заявил о том, что в преследовании такой цели более не было необходимости, что цель не имела отношения к добровольному желанию кого-либо участвовать в экспериментах и что между статьей 10 и заявленной в ней целью отсутствовала рациональная связь, так как выдаваемое на основании статьи 10 свидетельство имело настолько широкий характер, что теоретически могло охватить ситуации, не имеющие никакой связи с законной целью.

Заявитель полагал, что, даже принимая во внимание альтернативу в виде получения пенсии, ограничение было несоразмерным такой законной цели. Степень ограничения была значительнее, чем было необходимо для достижения его цели. Программа выплаты пенсий была явно несоответствующей, и это была исключительно высокая цена за преимущество не доказывать вину. Заявитель утверждал, что существенная несправедливость статьи 10 Закона 1947 года была признана фактом ее отмены в 1987 году, и, более того, что отношение к военнослужащим, которые в настоящее время обнаруживают травмы, полученные до 1987 года, будет менее благоприятным, чем отношение к военнослужащим, имеющим похожие травмы, но полученные после 1987 года.

В. Доводы властей Соединенного Королевства

110. Власти Соединенного Королевства ссылались на Решения апелляционного суда и Высокого Суда правосудия по вышеупомянутому делу "Мэттьюз против Министерства

обороны Соединенного Королевства". Оба судебных органа подробно изучили прецедентное право Европейской комиссии и Европейского суда и решили (Палата лордов единогласно), что [статья 6](#) Конвенции неприменима в настоящем деле, поскольку статья 10 Закона 1947 года являлась материально-правовым элементом английского деликтного права, определяющим границы рассматриваемого гражданского права.

111. Различие между материальными и процессуальными нормами остается необходимым фактором, несмотря на сложность его установления. Неоднократно цитируемый § 65 упоминавшегося выше Постановления Европейского суда по делу "Файед против Соединенного Королевства" не предусматривает никаких оснований для непринятия во внимание этого различия, а апелляционный суд и Палата лордов убедительно объяснили необходимость сохранения этого различия.

Создание какой-либо смешанной категории расширило бы применимость [статьи 6](#) Конвенции сверх надлежащих пределов, превращая ее из нормы, гарантирующей процессуальные права, в норму, создающую материальные права, что, в свою очередь, противоречило бы установленному принципу, согласно которому статья 6 Конвенции применяется только в отношении гражданских прав, которые можно считать признаваемыми национальным правом. Кроме того, власти Соединенного Королевства считали чрезвычайно важной основную причину, лежащую в основе [статьи 6](#) Конвенции: защита принципов верховенства права и надлежащего разделения властей от какой-либо угрозы (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Европейского суда по делу "Голдер против Соединенного Королевства" и выводы лорда Хоффмана по делу "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства"). Норма, предоставляющая органу исполнительной власти право на свободу действий, в силу которой он мог не допустить рассмотрения и разрешения судом юридически действительных исков, представляло бы угрозу для принципа верховенства права, тогда как статья 10 не заключала в себе никакой угрозы, поскольку просто определяла обстоятельства, в которых программа выплаты пенсий без доказательства вины могла бы заменить гражданский иск о возмещении ущерба. Кроме того, власти Соединенного Королевства отметили о необходимости точного анализа материальных прав лица, предусмотренных национальным законодательством, с учетом истории принятия и содержания правового положения и его цели (такой анализ провел лорд Бингем). После этого цель нормы можно было бы оценить с точки зрения лежащего в основе [статьи 6](#) Конвенции критерия.

112. Таким образом, основной вопрос заключался в представлении фактической характеристики (процессуальной и материальной) применимого ограничения. Первым важным шагом являлось проведение подробного анализа внутригосударственного права, при этом, особое внимание анализу такого ограничения должны были уделить вышестоящие национальные суды. Власти Соединенного Королевства с осторожностью отнеслись к выбору терминов, так чтобы, например, употребление понятия "иммунитет" не являлось решающим фактором в этом вопросе: действительно, национальное право различало иммунитет от привлечения к ответственности (материальная норма) и иммунитет от привлечения к суду (процессуальная норма).

По причинам, указанным в Постановлении по делу "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства", власти Соединенного Королевства считали, что статья 10 Закона 1947 года являлась материально-правовым ограничением. Бесспорной исходной точкой было то, что до Закона 1947 года отсутствовало закрепленное общим правом право на предъявление к государству гражданского иска о возмещении вреда: соответственно, статья 10 не могла ни заменить, ни отменить ранее существовавшее право. Закон 1947 г. установил такое право в статье 2, но специально ограничил его условиями статьи 10 этого Закона, которая препятствовала заявлению требований о возмещении ущерба в делах, касающихся военнослужащих. Итак, намерением парламентариев при разработке Закона 1947 года было сохранение ранее существовавшего препятствия осуществлению прав в отношении военнослужащих. И

статья 2, и статья 10 были включены в часть I Закона "Материальное право", название которой точно отражает суть части I, являвшейся совокупностью положений, закрепивших основные нормы гражданской ответственности государства. Как ранее действовавшее общее право, так и Закон 1947 года являлись правовыми нормами общего применения, устанавливающими пределы гражданской ответственности по внутреннему законодательству: они были сформулированы как нормы материального права, а обстоятельства, при которых отсутствовало право на предъявление иска (статья 10 как исключение права на иск, предусмотренного статьей 2), носили общий характер и были ясно изложены в законе.

Положения свидетельства, какими они являются в свете обстоятельств дела, не указывали на наличие права требования, отмененное своевольным решением органа исполнительной власти. Прежде всего, такое право не существовало, а дискреционные полномочия исполнительного органа были достаточно ограниченными: что касается последнего вопроса, то условия, при которых, по мнению Парламента, невозможно было подать иск, были полностью определены (пункты 1 "а" и 2 "b" статьи 10); ограниченную свободу действий в этом отношении можно сопоставить с широкими полномочиями, предусмотренными пунктом 3 статьи 10 Закона 1947 года, и необходимо отметить, что осуществление этих дискреционных полномочий являлось единообразным и неизменным. Цель положений о выдаче свидетельств заключалась не в том, чтобы предоставить властям широкую свободу действий для аннулирования существующего основания для иска, а в том, чтобы облегчить альтернативный способ получения военными пенсиями путем отмены необходимости доказывать наличие причинной связи между травмой и службой. В том случае, если свидетельство не выдавалось, основание для предъявления иска сохранялось, но уже в соответствии со статьей 2 Закона 1947 года.

Следовательно, процедура выдачи свидетельства не предполагала ни целей, ни действия, которые могли бы нанести вред принципу верховенства права или принципу разделения властей или лежащему в основе [статьи 6](#) Конвенции критерию.

На этих основаниях власти Соединенного Королевства утверждали, что апелляционный суд и Палата лордов пришли к верному выводу по делу "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства" о том, что статья 10 Закона 1947 года являлась материальной нормой, ограничивающей объем гражданского права.

113. Вместе с тем, власти Соединенного Королевства отметили, что [статья 6](#) Конвенции была неприменима к настоящему делу, принимая во внимание "функциональные" принципы, установленные в упоминавшемся выше Постановлении Европейского суда по делу "Пеллегрен против Франции" (§ 66) и примененные в Постановлении Европейского суда по делу "R. против Бельгии" (от 27 февраля 2001 г., жалоба N 33919/96).

114. Власти Соединенного Королевства также утверждали, что, даже если [статья 6](#) Конвенции была применима к делу, любое вмешательство в право заявителя на обращение в суд являлось соразмерным, учитывая, с одной стороны, превратности, расходы и иные трудности неопределенного иска, основанного на доказательстве вины (когда задача по установлению справедливости и обоснованности должной заботы была бы особенно сложной), а с другой стороны, определенность и относительную эффективность системы, не требующей доказательства вины. Европейская комиссия (в упоминавшихся выше делах "Кеттерик против Соединенного Королевства", "Дайер против Соединенного Королевства" и "Пиндер против Соединенного Королевства") пришла к выводу (в 1984 году), что закрепление права на получение пенсии без необходимости доказывать вину являлось целесообразной альтернативой праву на предъявление иска по основанию халатности. Тот факт, что в 1987 году Высокая Договаривающаяся Сторона решила, что в ограничении права военнослужащих на предъявление гражданских исков, поданных после 1987 г., больше нет необходимости, не

означал, что ранее введенное ограничение было несоответствующим или несоразмерным.

115. После получения от организации "Ветераны Портон-Дауна" Письма от 7 февраля 2005 г. (см. выше § 72) Уполномоченный Соединенного Королевства при Европейском суде по правам человека потребовал проведения срочных расследований. Представляя данную переписку Европейскому суду, власти Соединенного Королевства подчеркнули, что в 1995 году ни они, ни министр обороны (при выдаче свидетельства на основании статьи 10 Закона 1947 года) не знали о существовании этих уведомительных писем адвоката Министерства финансов Соединенного Королевства, пока не было получено вышеуказанное Письмо от 7 февраля 2005 г.

Министерство обороны приняло стратегическое решение "использовать в качестве основания пункт 1 статьи 10" в отношении гражданских исков, поданных некоторыми добровольцами Портон-Дауна, поскольку, по крайней мере, некоторые эксперименты (в том числе те, в которых принимал участие Мэддисон и к которым относятся письма адвоката Министерства финансов Соединенного Королевства) были проведены гражданскими сотрудниками, или под их руководством и контролем, а не исключительно военнослужащими британских Вооруженных сил. Хотя не было точной информации о том, какие сотрудники проводили эксперименты в отношении заявителя, "предположительно, в экспериментах с участием заявителя работали как военнослужащие, так и гражданские сотрудники". Министерство обороны отметило, что оно готово рассматривать случай заявителя в рамках вышеуказанного стратегического решения. Принимая во внимание это решение Министерства обороны, заявитель мог теперь подавать гражданский иск о возмещении ущерба. Кроме того, у него осталось самостоятельное право на продолжение процесса, связанного с рассмотрением его ходатайства на получение пенсии в апелляционном пенсионном суде, так как свидетельство, выданное на основании статьи 10 Закона 1947 года, сохранило юридическую силу в рамках этого судопроизводства. Выдавая в 1995 году свидетельство, министр обороны был уверен в том, что статья 10 была применима, и до недавнего изучения уведомительных писем адвоката Министерства финансов Соединенного Королевства, в этом был уверен и Уполномоченный Соединенного Королевства при Европейском Суде по правам человека. В заключение, власти Соединенного Королевства отметили, что "по меньшей мере, спорным являлось предположение", что в том случае, если бы заявитель после выдачи свидетельства на основании статьи 10 (в августе 1995 года) возбудил исковое производство по вопросу халатности, рассмотрение его иска было бы прекращено. Таким образом, власти Соединенного Королевства считали, что вопросы, которые заявитель поднял в соответствии со [статьей 6](#) Конвенции, остаются нерешенными.

С. Мнение Европейского суда

1. Общие принципы

116. Гарантированное [статьей 6](#) Конвенции право на обращение в суд, которое рассматривается в настоящем деле, было установлено в упоминавшемся выше Постановлении Европейского суда по делу "Голдер против Соединенного Королевства" (§ 28 - 36). По тому делу Европейский суд, ссылаясь на принципы верховенства права и избежание произвольного использования властных полномочий, которые лежат в основе большинства положений Конвенции, установил, что право на обращение в суд является неотъемлемым элементом гарантий, закрепленных [статьей 6](#) Конвенции. Таким образом, [пункт 1 статьи 6](#) Конвенции гарантирует каждому право подавать в суд иски в отношении его гражданских прав и обязанностей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства", § 91).

117. Пункт 1 статьи 6 Конвенции, однако, не предусматривает какого-либо определенного содержания этих (гражданских) "прав" в материальном праве Высоких Договаривающихся Сторон: Европейский суд не может создать путем толкования [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции материальное право, которое не имеет правового основания в соответствующем государстве (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Файед против Соединенного Королевства", § 65). Его гарантии распространяются только на права, которые можно считать, по крайней мере, на спорных основаниях, признанными внутригосударственным правом (см. Постановление Европейского суда по делу "Джеймс и другие против Соединенного Королевства" (James and Others v. the United Kingdom) от 21 февраля 1986 г., Series A, N 98, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства", § 81, и прецеденты, упоминавшиеся в Постановлении Большой палаты Европейского суда по делу "МакЭлхинни против Ирландии" (McElhinney v. Ireland), жалоба N 31253/96, § 23, ECHR 2001-XI (извлечения)).

118. Заявитель утверждал о существовании напряжения между вышеуказанным принципом, с одной стороны, и самостоятельным значением, которое Европейский суд придавал понятию "гражданские права и обязанности", с другой стороны. В связи с этим, заявитель подвергал сомнению наличие разницы между ограничением, которое определяет пределы материального содержания соответствующего гражданского права (к которому неприменимы гарантии [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции (см. Постановление Европейского суда по делу "Пауэлл и Райнер против Соединенного Королевства" (Powell and Rayner v. the United Kingdom) от 21 февраля 1990 г., Series A N 172, § 36 и упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства", § 100), и ограничением, которое является процессуальным препятствием предъявления потенциальных исков в суд и к которому [статья 6](#) Конвенции может быть, в некоторой степени, применима (см. Постановление Европейского суда по делу "Тиннелли и сыновья Лимитед" и другие и МакЭлдафф и другие против Соединенного Королевства" (Tinnelly & Sons Ltd and Others and McElduff and Others v. the United Kingdom), § 62, Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Аль-Адсани против Соединенного Королевства" (Al-Adsani v. the United Kingdom), жалоба N 35763/97, § 48 - 49, ECHR 2001-XI; упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Фогарти против Соединенного Королевства", § 26, и упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "МакЭлхинни против Ирландии", § 25). Заявитель не считал необходимым поддерживать точку зрения о существовании такого различия (и ссылаясь на упоминавшиеся выше Решения Европейской комиссии по делам "Кеттерик против Соединенного Королевства", "Пиндер против Соединенного Королевства" и "Дайер против Соединенного Королевства", а также на § 65 Постановления Европейского суда по делу "Файед против Соединенного Королевства", приведенный в Постановлении Европейского суда по делу "Фогарти против Соединенного Королевства", § 25): любое ограничение должно соответствовать критерию соразмерности, так как важно было защитить суды от произвольного использования властных полномочий и осуществления контроля со стороны исполнительных органов власти.

119. Европейский суд не мог согласиться с такими утверждениями заявителя. Он не установил никаких признаков несоответствия между самостоятельным понятием "гражданский" (см. Постановление Европейского суда по делу "Кениг против Германии" ([Konig](#) v. Germany) от 28 июня 1987 г., Series A, N 27, § 89, и Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Ферраццини против Италии" (Ferrazzini v. Italy), жалоба N 44759/98, § 24 - 31, ECHR 2001-VII) и требованием признания со стороны национального законодательства, даже на спорных основаниях, существования "права" (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Джеймс против Соединенного Королевства", § 81; Постановление Европейского суда по делу "Литгоу и

другие против Соединенного Королевства" (*Lithgow and Others v. the United Kingdom*) от 8 июля 1986 г., Series A, N 102, § 192; и Постановление Европейского суда по делу "Святые монастыри против Греции" (*The Holy Monasteries v. Greece*) от 9 декабря 1994 г., Series A, N 301-A, § 80). Кроме того, Решения Европейской комиссии по делам "Кеттерик против Соединенного Королевства", "Пиндер против Соединенного Королевства" и "Дайер против Соединенного Королевства" необходимо рассматривать в свете, *inter alia*, Постановления Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства" (упоминавшегося выше) и, в частности, в свете заявленного в нем Европейским судом подтверждения о необходимости сохранять такое процессуальное/материальное различие: каким бы тонким оно не было в конкретном случае, данное различие остается определяющим в вопросе применимости и, в соответствующем случае, в вопросе объема гарантии [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции. И в том, и в другом отношении Европейский суд счел необходимым напомнить основополагающий принцип, согласно которому [статья 6](#) Конвенции сама по себе не устанавливает какое-либо определенное содержание материального права Высоких Договаривающихся Сторон (см. среди прочих прецедентов упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Z. против Соединенного Королевства", § 87).

Европейский суд счел, что из § 67 Постановления Европейского суда по делу "Файед против Соединенного Королевства" невозможно сделать выводов об обратном. Тот факт, что определенные обстоятельства дела и заявленные в нем жалобы могут вызвать необходимость проведения различия между материально-правовыми ограничениями и процессуальными препятствиями (см. например, Постановление Европейского суда по делу "A. против Соединенного Королевства" (*A. v. the United Kingdom*), жалоба N 35373/97, § 65, ECHR 2002-X), не влияет на объем [статьи 6](#) Конвенции, которая, в принципе, возможно, не устанавливает никаких материальных ограничений в отношении права, существующего в национальном законодательстве.

120. Таким образом, Европейский суд отметил, что при определении наличия гражданского "права" и при определении, материальный или процессуальный характер имеет оспариваемое ограничение, начинать необходимо с правовых норм национального законодательства и их толкования, данного национальными судами (см. Постановление Европейского суда по делу "Массон и Ван Зон против Нидерландов" (*Masson and Van Zon v. the Netherlands*) от 28 сентября 1995 г., Series A, N 327-A, § 49). Более того, в тех случаях, когда вышестоящие национальные суды на основе соответствующего прецедентного права Конвенционных органов и следующих из него принципов уже провели всесторонний и убедительный анализ точного характера оспариваемого ограничения, Европейскому суду необходимы веские причины, чтобы прийти к иному выводу, чем вывод этих национальных судов, путем замены мнения национальных судов по вопросу толкования внутригосударственного законодательства своим собственным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства", § 101) и путем установления, вопреки их мнению, спорного права, признанного национальным законодательством.

121. Наконец, в процессе данной оценки необходимо обратить внимание, прежде всего, не на внешние признаки и используемый язык правовой нормы, а на фактические обстоятельства дела (см. Постановление Европейского суда по делу "Ван Дроогенбрук против Бельгии" (*Van Droogenbroeck v. Belgium*) от 24 июня 1982 г., Series A, N 50, § 38). На мнение Европейского суда не должны ненадлежащим образом влиять, например, использованная законодательная техника (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Файед против Соединенного Королевства", § 67) или какие-либо критерии, приписываемые соответствующему ограничению в национальном законодательстве: как отмечали власти Соединенного Королевства, часто используемое понятие "иммунитет" может означать как "иммунитет от привлечения к ответственности"

(что, в принципе, является материальным ограничением), так и "иммунитет от привлечения к суду" (предположительно, процессуальное ограничение).

2. Применение общих принципов к настоящему делу

122. Таким образом, Европейский суд в качестве исходной точки принял оценку статьи 10 Закона 1947 года, проведенную Палатой лордов в упоминавшемся выше деле "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства", а также связанные с этой оценкой выводы. Изучив исторические предпосылки, текст и цели, в частности, статьей 2 и 10 Закона 1947 года, Палата лордов пришла к выводу, что статья 10 этого Закона не предполагала предоставление материального права военнослужащим в исковом порядке требовать возмещения ущерба от государства, а, скорее, подтверждала существующее (и неоспоримое) отсутствие гражданской ответственности государства по отношению к военнослужащим в условиях, регулируемых этой статьей. Лорды ясно указали, что до 1947 года никто не имел права подать гражданский иск против государства. Доктрина о том, что "Король не может совершить правонарушение", означала, что по общему праву Соединенное Королевство не несло гражданской ответственности. Статья 2 Закона 1947 года впервые закрепила право на подачу гражданского иска против государства, однако специально ограничила его условиями статьи 10 этого Закона. Статья 10 (которая содержалась в той же части Закона 1947 года, как и статья 2, озаглавленной "материальное право" - см. заключение лорда Хоупа по делу "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства" выше в § 94) предусматривала, что никакое действие или бездействие военнослужащего Вооруженных сил Великобритании при выполнении им своих служебных обязанностей не влекло ни для этого лица, ни для государства гражданской ответственности за причинение физического вреда здоровью другого военнослужащего вооруженных сил при исполнении им своих служебных обязанностей. Следовательно, статья 10 Закона ни исключала из подсудности национальных судов определенную группу исков, ни предоставляла иммунитета от привлечения к ответственности, как признавалось ранее: такая группа исков никогда не существовала, и она не была создана Законом 1947 года. Таким образом, статья 10 была введена как норма материального права, которая устанавливала границы права военнослужащих в отношении исков о возмещении ущерба, поданных против государства, и которая, являясь материальной нормой, предусматривала вместо этого процедуру получения пенсии без необходимости доказывать вину за ущерб, понесенный в ходе военной службы.

123. Что касается вопроса о наличии веских оснований такого вывода, заявитель, главным образом, утверждал, что свидетельство, выданное министром обороны на основании статьи 10, являлось процессуальным ограничением, не позволяющим ему использовать свое право на предъявление иска, гарантированное Законом 1947 года с того момента, когда ему был причинен значительный вред. Европейский суд не мог принять данный довод. Он установил, что статья 10 должна толковаться в своем контексте с учетом намерения и целей законодателей. Как объяснили лорды Бингем и Хоуп в своем Решении по делу "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства", целью введенной пунктом 1 "b" статьи 10 процедуры выдачи свидетельства являлось не изменение сущности статьи 10 в ее первоначальной редакции - а именно, полностью исключить ответственность государства - а упрощение процесса получения пенсии для пострадавших военнослужащих путем отмены необходимости доказывать, что причиненный вред связан с прохождением службы.

Более того, лорд Бингем подчеркнул, что "фактические обстоятельства дела" заключались в том, что законодатели "просто хотели", чтобы свидетельство на основании статьи 10 выдавалось при соблюдении соответствующих условий, и отметил, что такая практика была единообразной и неизменной практикой всех министров обороны в

течение последующих 40 лет, поэтому любой адвокат мог бы сказать Мэттьюзу, что свидетельство, выдаваемое на основании статьи 10, являлось обязательным (см. также заключение лорда Уокера по делу "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства", § 92 настоящего Постановления). Такие узкие полномочия, предусмотренные пунктом 1 "b" статьи 10, необходимо отличать от более широких полномочий, закрепленных в пункте 3 статьи 10 Закона 1947 года.

Вследствие причин, указанных ниже в § 126, на данный вывод о таких узких дискреционных полномочиях министра обороны не повлиял тот факт, что министр обороны решил больше не применять "пункт 1 статьи 10" в отношении заявителя.

Европейский суд счел, что такая свобода действия, предоставленная министру обороны статьей 10 Закона 1947 года, по своему характеру существенно отличается от абсолютно неограниченных полномочий властей иностранного государства, которые являлись предметом рассмотрения Европейского суда в деле "Фогарти против Соединенного Королевства", в силу которых власти могли не отказываться от государственного иммунитета и, тем самым, воспрепятствовать рассмотрению национальным судом иска, который, в противном случае, был бы обоснованным по внутреннему праву государства.

Процедуру выдачи свидетельства, установленную статьей 10, также необходимо отличать от той, которую Европейский суд рассмотрел в деле "Гиннелли и сыновья Лимитед" и другие и МакЭлдафф и другие против Соединенного Королевства". В том деле Закон 1976 года "О найме на работу без дискриминации (Северная Ирландия)" (Fair Employment (Northern Ireland) Act) ясно предоставлял закрепленное национальным законодательством право требовать возмещения ущерба за дискриминацию по религиозному признаку при участии в конкурсе на размещение договоров на выполнение государственного заказа. Целью статьи 42 Закона 1976 года не являлось введение исключения для тех дел, в которых Парламент (при принятии Закона 1976 года) считал дискриминацию оправданной, но разрешал министру обороны путем выдачи заключительного свидетельства, основанного на предположении, что оспариваемый Закон был издан для защиты национальной безопасности, блокировать судебные разбирательства, которые в противном случае были бы обоснованными. Как отметил лорд Хоффман, статья 10 Закона 1947 года не влекла подобного вмешательства органа исполнительной власти в судебную сферу, а касалась Решения, принятого Парламентом в 1947 году, о том, что в случае причинения военному служащему вреда, который был связан с прохождением военной службы, право на предъявление иска не возникало, а вместо этого применялась процедура выплаты пенсии без доказывания вины, при этом роль выдаваемого министром обороны свидетельства заключалась лишь в том, чтобы подтвердить тот факт, что вред был связан со службой и, тем самым, облегчить доступ к этой процедуре.

124. Соответственно, в настоящем деле Европейский суд не счел нужным отступить от единогласного решения апелляционного суда и Высокого Суда правосудия о том действии, какое статья 10 Закона 1947 года имела в национальном законодательстве. Он пришел к выводу, что оспариваемое ограничение следует из применимых принципов, которые регулируют материальное право на предъявление иска в национальном законодательстве (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства", § 100). При данных обстоятельствах у заявителя не было признанного внутренним законодательством (гражданского) "права", в силу которого мог бы быть применен пункт 1 статьи 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Пауэлл и Райнер против Соединенного Королевства", § 36).

Таким образом, Европейский суд счел, что нет необходимости рассматривать доводы сторон в отношении соразмерности этого ограничения, а также доводы властей Соединенного Королевства о том, что статья 6 Конвенции была неприменима в настоящем

деле на основании вышеуказанных Постановлений Европейского суда по делам "Пеллегрен против Франции" и "R. против Бельгии".

125. Европейский суд пришел к выводу, что статья 6 Конвенции неприменима в настоящем деле и что, следовательно, не имело место нарушение этой статьи.

126. Наконец, Европейский суд указал на доводы сторон касательно недавнего факта обнаружения уведомительных писем адвоката Министерства финансов 1953 года относительно другого участника экспериментов (см. выше § 72, 107 и 115). Тот факт, что министр обороны решил больше не "использовать в качестве основания пункт 1 статьи 10" в любом гражданском иске заявителя, не изменил или не повлиял иным образом на вышеуказанное заключение в отношении статьи 10 Закона 1947 года по делу заявителя. Это решение лишь содействовало разрешению в пользу заявителя недавно появившегося сомнения (которое не было прокомментировано заявителем и осталось неясным) о том, действительно ли заявитель принадлежал к той категории лиц, на которую распространяется действие статьи 10. Кроме того, это решение касалось будущих обстоятельств, так как власти Соединенного Королевства подтвердили, что свидетельство, выданное на основании статьи 10 Закона 1947 года, сохраняет свою юридическую силу в рамках незавершенного производства по рассмотрению жалобы в апелляционном пенсионном суде.

Однако Европейский суд вернется к рассмотрению этих доводов ниже в контексте [статьи 8](#) Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции

127. Заявитель также утверждал, что статья 10 Закона 1947 года нарушила его право беспрепятственно пользоваться своим имуществом, гарантированное [статьей 1](#) Протокола N 1 к Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, гласит:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. ...".

128. На основаниях, представленных в рамках [статьи 6](#) Конвенции, заявитель утверждал, что он обладал "имуществом" (иск против Министерства обороны о проявлении халатности), пока не был необоснованно его лишен после выдачи министром обороны свидетельства на основании статьи 10 Закона 1947 года (см. Постановление Европейского суда по делу "Прессос Компания Навьера С.А." и другие против Бельгии" (Pressos Compania Naviera S.A. and Others v. Belgium) от 20 ноября 1995 г., Series A, N 332, § 31). Власти Соединенного Королевства отметили, что, хотя [статья 1](#) Протокола N 1 к Конвенции признавала имущество в качестве законного основания для иска, любое требование, какое заявитель мог бы иметь в сфере гражданского права всегда регулировалось статьей 10 Закона 1947 года, и теряло свою силу. Следовательно, не имело место вмешательство в права заявителя на основании этой статьи. Действительно, Мэттьюз (см. упоминавшееся выше дело "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства") не заявлял такой аргумент при рассмотрении его дела в Палате лордов.

129. Европейский суд напомнил, что право собственности как право требования можно рассматривать в качестве имущества только в случае наличия в национальном законодательстве достаточного основания для этого, включая сложившуюся судебную практику национальных судов, подтверждающую этот факт (см. Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Копецки против Словакии" (*{Kopecky} v. Slovakia*), жалоба N 44912/98, § 52, ECHR 2004-IX). Заявитель указал, что обладал "имуществом" на тех же основаниях, на которых он утверждал, что имеет "гражданское право" по смыслу

пункта 1 статьи 6 Конвенции. Исходя из приведенных выше причин в отношении применения пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. выше § 122 - 124), Европейский суд счел, что национальное законодательство не предусматривало основания для подобного требования, и отметил, что заявитель не имел "имущества" по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции и, следовательно, гарантии этой статьи к его делу неприменимы.

130. Таким образом, не имело место нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 14 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 6 Конвенции и статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции

131. Кроме того, на основании статьи 14 Конвенции (взятой в совокупности со статьей 6 Конвенции и статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции) заявитель утверждал, что статья 10 Закона 1947 года являлась дискриминационной. Статья 14 Конвенции гласит:

"Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам".

132. На основаниях, изложенных выше в отношении статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, заявитель утверждал, что оспариваемые факты попадали под сферу регулирования этих положений Конвенции. Он также заявил, что отношение к нему было менее благоприятным, чем к иным лицам в аналогичных обстоятельствах: он ссылаясь на случаи других служащих, которым был причинен вред в результате небрежного или непредусмотрительного отношения со стороны их работодателей, и на случаи иных военнослужащих, пострадавших вследствие действий после 1987 года.

Кроме того, в силу тех же причин, которые заявитель приводил в подтверждение необоснованности вмешательства в его право на обращение в суд, он считал, что разное отношение является несоразмерным. Власти Соединенного Королевства не согласились с этим доводом.

133. В свете своих выводов (см. выше § 124 и 129) о том, что заявитель не имел ни "гражданского права", ни "имущества" по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции и, соответственно, что обе эти статьи были неприменимы в настоящем деле, Европейский суд счел, что статья 14 Конвенции также является неприменимой (см. среди прочих прецедентов Постановление Европейского суда по делу "Петрович против Австрии" (Petrovic v. Austria) от 27 марта 1998 г., Reports 1998-II, p. 585, § 22).

134. Таким образом, не имело место нарушение статьи 14 Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 6 Конвенции и/или статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции

135. Заявитель утверждал также на основании статьи 13 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 6 Конвенции и статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции, что он не имел эффективного средства правовой защиты в отношении незаконного аннулирования его искового требования или, с другой стороны, в отношении незаконного лишения имущества.

136. Власти Соединенного Королевства утверждали, что отсутствовало какое-либо доказуемое нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции и, следовательно, статьи 13 Конвенции. Эта статья гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

137. Европейский суд отметил, что часть жалобы заявителя на основании статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции явно противоречит положениям статьи 10 Закона 1947 года. В связи с этим Европейский суд напомнил, что статья 13 Конвенции не гарантирует средств правовой защиты, которые позволяли бы оспаривать в национальном органе власти основополагающее законодательство Высокой Договаривающейся Стороны на том основании, что это законодательство противоречит положениям Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Джеймс и другие против Соединенного Королевства", § 85).

138. Соответственно, не имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

V. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

139. Заявитель жаловался на несоответствующий доступ к информации относительно испытаний, которым он подвергался в Портон-Дауне. Он считал, что его право получения информации с целью уменьшить свой страх в отношении данных экспериментов, достаточно тесно было связано с его личной и семейной жизнью, чтобы дать ему основание для подачи жалобы в соответствии со статьей 8 Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, гласит:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, ...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено Законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

A. Доводы заявителя

140. Первый довод заявителя заключался в том, что власти Соединенного Королевства не предоставили ему информацию о его участии в экспериментах в нарушение своего положительного обязательства уважать его личную и семейную жизнь.

141. Ссылаясь, главным образом, на Постановления Европейского суда по делу "Гаскин против Соединенного Королевства" (Gaskin v. the United Kingdom) (от 7 июля 1989 г., Series A N 160), по делу "Герра и другие против Италии" (Guerra and Others v. Italy) (от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I) и по упоминавшемуся выше делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства", заявитель утверждал, что на основании статьи 8 Конвенции он имел право на получение информации, которая позволила бы ему осознать и отреагировать соответствующим образом на риск и опасности, которым он подвергался. Это обязательство являлось самостоятельным (не связанным ни с судебным, ни с иным процессом), которое заключалось в предоставлении лицу "эффективных" и "доступных" средств для "получения всей необходимой и соответствующей информации". Заявитель отметил, что в его случае необходимость в информации, и в средствах для ее получения, впервые возникла в 1987 году, когда он начал поиски своей медицинской карты, задолго до и независимо от рассмотрения жалобы в апелляционном пенсионном суде. В любом случае, соотносить положительное обязательство государства с производством в апелляционном пенсионном суде было бессмысленным: для участия в судебном процессе, и в частности, для обращения с ходатайством о получении пенсии и/или для недопущения судебного процесса на основании статьи 2 Закона 1947 года, обязательно было необходимо какое-либо лицо (независимо от того, имело ли данное

лицо право на получение пенсии или было в этом заинтересовано); далее это лицо должно было бы надеяться на то, что ходатайство о назначении пенсии будет отклонено в суде первой инстанции, чтобы потом обжаловать данное Решение в апелляционном пенсионном суде; а в ходе рассмотрения жалобы в апелляционном пенсионном суде освободиться от бремени доказывания и показать применимость документов к предмету спора, прежде чем получить приказ об обнародовании этих документов в соответствии с правилом 6 Регламента апелляционного пенсионного суда. Правило 6 предназначено для состязательного судебного процесса, а не для уменьшения страха путем предоставления информации: заявители в деле "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства" не требовали применения общего права на получение доступа к информации, и поэтому их дело отличается от настоящего дела по фактическим обстоятельствам.

142. Заявитель утверждал, что власти Соединенного Королевства не предоставили ему право на использование эффективной и доступной процедуры с целью получения необходимой информации.

143. До введения в действие Схемы 1998 года (см. выше § 69) и до подачи жалобы в апелляционный пенсионный суд заявитель, помимо судебного процесса, неоднократно пытался получить определенные сведения. Первая открытая информация была представлена его врачу как "медицинская информация: конфиденциально", поэтому до 1994 года он ее не видел. В любом случае, эта информация не была полезной, так как содержала ошибки и пробелы (в тех материалах не упоминалось о проведении испытаний горчичного газа), и не была подтверждена лежащими в ее основе учетными документами. В декабре 1997 года и марте 1998 года заявитель добился более существенного обнародования информации, однако эти сведения также оказались неудовлетворительными и были получены via особые источники (в ходе встречи с министром обороны и в контексте данной жалобы). Эти сведения являлись "всей необходимой и соответствующей информацией": они не содержали данных об экспериментах 1962 года и испытаниях горчичного газа 1963 года; стандарты составления медицинских документов (в момент проведения экспериментов) и их сохранение (после проведения экспериментов) считались утраченными; несмотря на утверждение о предоставлении всей информации, это оказалось неверным, принимая во внимание раскрытие документов, произведенное позже; а Письмо, датированное декабрем 1997 года, содержало заявления, не подкрепленные какими-либо учетными документами.

144. Принятая впоследствии Схема 1998 года не изменила ситуацию, и сама являлась несоответствующим средством получения информации. Схема 1998 года была введена в действие более чем через десять лет после того, как заявитель приступил к поиску сведений, и после подачи им настоящей жалобы. Гарантии брошюры казались неубедительными, так как не были подтверждены эпидемиологическим исследованием, а брошюра предлагала лишь суммарное заключение учетных медицинских документов и возможность приехать в Портон-Даун с целью изучения этих документов. Заявитель считал, что Схема 1998 года подтвердила отсутствие достаточных и эффективных средств получения информации.

145. Заявитель утверждал, что, аналогичным образом, предусмотренная правилом 6 Регламента апелляционного пенсионного суда процедура не восполнила такой недостаток в информации и, в любом случае, не являлась ни эффективной, ни доступной вследствие обременительного и длительного характера этой процедуры, предоставляющей неполное и постепенное обнародование информации (последнее имело место в апреле 2005 года).

Председатель по своему усмотрению мог определять и ограничивать эту процедуру, так как правило 6 предусматривало, что председатель "может" разрешать обнародование документов только в том случае, если эти документы "казались связанными с вопросами, указанными в апелляционной жалобе". Кроме того, заявитель считал, что в предусмотренной правилом 6 процедуре отсутствовал эффективный фактор контроля: она не устанавливала никаких сроков в отношении раскрытия информации, и допускалось

лишь частичное обнародование такой информации. Данная процедура характеризовалась также значительными задержками. Заявитель признал, что некоторые задержки были связаны с его действиями, и объяснил причины задержки с ответом на письмо апелляционного пенсионного суда от 25 июля 2001 г. и причины обращения с ходатайством об отложении судебного слушания, назначенного на октябрь 2002 года. Тем не менее, он утверждал, что эти задержки ни в коей мере не привели к общей задержке процедуры: после этого Министерство обороны продолжило раскрытие документов; отложение судебного слушания было также связано с действиями Управления по делам ветеранов, которое было не готово к слушанию по причине обоснованного замешательства в отношении объема жалобы и вследствие необходимости задать доктору Х. дополнительные вопросы. Тот факт, что Министерство обороны абсолютно произвольно определило медицинские учетные документы как не подлежащие разглашению "протоколы заседаний или иные документы министерств", также повлиял на неспособность процедуры по правилу 6 выполнить положительное обязательство государства на основании [статьи 8](#) Конвенции, в отличие от полномочия не разглашать информацию в "интересах национальной безопасности". По мнению заявителя, вся процедура, установленная правилом 6, характеризовалась ошибками, противоречивыми заявлениями и допущением того, что некоторые документы могут быть утеряны навсегда, и все это приводило к тому, что в завершении процесса обнародования предоставленная информация была неполной. Заявитель утверждал, что если бы МакГинли и Иган воспользовались предусмотренной правилом 6 процедурой, Европейский суд в своем решении по тому [делу](#) неизбежно пришел бы к выводу о неспособности этой процедуры, как в теории, так и на практике, выполнить положительное обязательство по предоставлению доступных и эффективных средств получения информации.

146. Более того, заявитель подчеркнул, что ему не была предоставлена вся "необходимая и соответствующая информация". Помимо того вывода, который можно было сделать из частично обнародованных документов на данный момент, сопровождаемого беспочвенными гарантиями (позже противоречивыми) относительно того, что вся информация была предоставлена, заявитель считал, что два других фактора свидетельствовали о том, что ему не были предоставлены все необходимые и соответствующие документы.

Прежде всего, по его мнению, тот недопустимый факт, что власти не смогли составить и сохранить медицинские учетные документы, делал выполнение положительного обязательства по [статье 8](#) Конвенции невозможным с самого начала. Кроме того, до недавнего времени власти Соединенного Королевства отказывались проводить последующее всестороннее изучение состояния здоровья участников экспериментов, которое являлось единственным эффективным способом предоставить информацию. Заявитель считал неубедительными обоснование и выводы отчета о возможности проведения последующего изучения состояния здоровья добровольцев, участвующих в экспериментах (см. выше [§ 55](#)), хотя недавно назначенное исследование (см. выше [§ 70](#)) до сих пор не было завершено и, кроме того, считал спорный вопрос о том, почему это исследование не было проведено ранее, не требующим доказательств.

147. Что касается вопроса пропорциональности позиции Высокой Договаривающейся Стороны, заявитель отметил, что власти Соединенного Королевства не ссылались на основание защиты национальной безопасности, а на довольно узкое основание "медицинская информация: конфиденциально". Хотя непредоставление информации на основании "медицинская информация: конфиденциально" могло преследовать и законную цель (интересы организаторов здравоохранения, составляющих медицинские учетные документы и, соответственно, интересы пациентов), в настоящем деле такая причина казалась заявителю неубедительной, поскольку единственными лицами, которые извлекли бы выгоду в случае свободного распространения информации, были ученые Портон-Дауна. Так или иначе, от основания "медицинская информация:

конфиденциально" в большинстве случаев отказались (в 1991 году с выступлением в силу Закона 1990 года "О данных о состоянии здоровья") и особенно в отношении участников экспериментов в Портон-Дауне (с введением в действие Схемы 1998 года). Этот аргумент о раскрытии всей информации был явно несоразмерным, учитывая большую важность этой информации для заявителя; недостаточность предоставленной информации и частичный характер раскрытия информации; необходимость наличия действительных и оригинальных медицинских учетных документов для того, чтобы должным образом оценить степень риска; беспокойство и стресс, вызванные отсутствием такой оценки степени риска; факты о том, что эти эксперименты держались в секрете, что участникам запрещалось о них говорить и что не было предоставлено никаких гарантий против злоупотреблений; токсичность и опасность веществ, воздействию которых подвергались участники экспериментов; и отсутствие удовлетворительного последующего изучения состояния здоровья участников экспериментов, которое могло бы привести к выводам, разъясняющим участникам экспериментов этот вопрос.

148. Ссылаясь на детальные законные аргументы и указанные недостатки, заявитель представил в контексте своего первого довода по [статье 8](#) Конвенции два альтернативных и второстепенных аргумента.

Во-первых, он утверждал, что процедуры и системы, сопутствующие экспериментам, не отвечали процессуальным требованиям должного уважения личной жизни лица, и, следовательно, власти Соединенного Королевства не смогли надлежащим образом обеспечить соблюдение его интересов, закрепленных [статьей 8](#) Конвенции (см. Постановление Европейского суда по делу "W. против Соединенного Королевства" (W. v. the United Kingdom) от 8 июля 1987 г., Series A, N 121, и Постановление Европейского суда по делу "МакМайкл против Соединенного Королевства" (McMichael v. the United Kingdom) от 24 февраля 1995 г., Series A, N 307-B).

Во-вторых, заявитель утверждал, что власти Соединенного Королевства не обеспечили его права, предусмотренные [статьей 8](#) Конвенции, в связи с тем, что не изучили должным образом (или не ввели соответствующую программу для изучения) возможных рисков, которым они подвергали заявителя. Подобно тому, как [статьи 2 и 3](#) Конвенции устанавливают требование о проведении исследования (см. [Постановление Европейского суда по делу "МакКанн и другие против Соединенного Королевства"](#) (McCann and Others v. the United Kingdom) от 27 сентября 1995 г., Series A, N 324; [Постановление Европейского суда по делу "Хью Джордан против Соединенного Королевства"](#) (Hugh Jordan v. the United Kingdom), жалоба N 24746/94, ECHR 2001-III (извлечения); [Постановление Европейского суда по делу "Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства"](#) (Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom), жалоба N 46477/99, ECHR 2002-II, и [Решение Европейского суда по делу "Менсон против Соединенного Королевства"](#) (Menson v. the United Kingdom), жалоба N 47916/99, ECHR 2003-V), так и на основании [статьи 8](#) Конвенции возникает похожее обязательство.

В. Доводы властей Соединенного Королевства

149. Хотя власти Соединенного Королевства считали, что доказательства негативного воздействия экспериментов на здоровье заявителя отсутствовали, их основной ответ на жалобу заявителя заключался, согласно выводам, сделанным в [Постановлении](#) Европейского суда по упоминавшемуся выше делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства", в том, что предусмотренная [правилом 6](#) Регламента апелляционного пенсионного суда процедура обеспечивала выполнение положительного обязательства государства по [статье 8](#) Конвенции гарантировать эффективные и доступные способы для получения доступа ко всей необходимой и соответствующей информации. Таков был вывод в отношении принципа, не измененного, а даже подтвержденного, фактическими обстоятельствами настоящего дела.

150. Власти Соединенного Королевства отметили, что эта процедура была доступна заявителю, и он ей успешно воспользовался. Заявитель имел доступ к этой процедуре во все соответствующие периоды времени, с момента проявления в конце 1980-х годов признаков болезней, в отношении которых он требовал выплату пенсии. Он обратился с жалобой в апелляционный пенсионный суд только в ноябре 1998 года, а запрос на основании правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда направил лишь в июле 1999 года. Следовательно, весь период до июля 1999 года нельзя учитывать в качестве основания для оценки критерия доступности (или эффективности) процедуры, предусмотренной правилом 6. Кроме того, в том случае, если бы проводимое государственными органами в настоящее время эпидемиологическое исследование представило доказательства в поддержку дела заявителя, он мог бы снова подать ходатайство о назначении ему пенсии.

151. Предусмотренная правилом 6 процедура являлась также эффективной вследствие того, что соответствующие документы были представлены заявителю в разумный срок.

152. Эта процедура была эффективной, поскольку предусматривала раскрытие документов, непосредственно связанных с положительным обязательством государства в рамках [статьи 8](#) Конвенции. Удержание определенных документов в интересах национальной безопасности или общественного порядка не умаляет эффективности такой процедуры и совместимо с положениями [Конвенции](#), так как позволяло установить справедливый баланс между конкурирующими интересами и содержала закрепленные законом гарантии (сам текст правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда). Установленная правилом 6 процедура не характеризовалась систематическими задержками или "отсутствием контроля".

В настоящем деле эта процедура также являлась эффективной. На запрос заявителя председатель апелляционного пенсионного суда в соответствии с правилом 6 Регламента апелляционного пенсионного суда вынес распоряжение с подробным указанием всех групп документов, подлежащих раскрытию. Министр обороны выполнил это распоряжение своевременно, надлежащим образом и с явным намерением осуществить всесторонний поиск документов с целью предоставить максимально возможное количество документов. В результате было предоставлено большое число документов, связанных с проведением экспериментов: никакие существенные сведения не остались нераскрытыми в интересах национальной безопасности. Заявитель не обращался в апелляционный пенсионный суд с новым ходатайством о предоставлении информации.

153. Власти Соединенного Королевства утверждали, что если после июля 1999 года и имели место какие-либо задержки в процессе, связанные с действиями властей, то они не лишали процесс эффективности, и, кроме того, отсутствовали фактические доказательства предвзятого отношения к делу заявителя. Заявитель получил "ответные документы" задолго до начала судебного слушания в апелляционном пенсионном суде и мог использовать их по своему усмотрению. Власти Соединенного Королевства отметили, что задержка, связанная с предоставлением пятой группы документов (см. выше [§ 53](#) и [55](#)), была логичной, учитывая объем этой группы, необходимость обеспечить наличие всех документов, время, истекшее с момента проведения экспериментов, а также "необходимость изучить важные вопросы относительно классификации документов". Кроме того, любую задержку, вызванную действиями органов власти, необходимо соотносить с задержками, связанными с действиями самого заявителя: заявитель обратился к правилу 6 Регламента апелляционного пенсионного суда лишь в июле 1999 года, хотя оно было доступно с конца 1980-х годов, когда заявитель начинал поиски необходимых документов; он вызвал замешательство и, как следствие, задержки, относительно объема жалобы, представляемой в апелляционный пенсионный суд; и, кроме того, власти Соединенного Королевства утверждали о причастности заявителя ко всем задержкам, имевшим место в процессе после Письма министра обороны от 6 июля

2001 г. Более того, кроме своевременно проведенного судебного разбирательства в апелляционном пенсионном суде, в деле отсутствовали какие-либо иные вопросы, ограниченные сроком, как например, рассматриваемые в упоминавшемся выше деле "Герра и другие против Италии" меры превентивного характера.

Представление документов по частям не являлось непредвиденной ситуацией (принимая во внимание, насколько широка была группа истребуемых документов, год их составления и необходимые многочисленные проверки), и представление единовременно всех документов этой группы казалось лучшим вариантом. Что касается предположения о том, что представленные сведения были неполными, власти Соединенного Королевства отметили, что, как и в деле "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства", государство не несет ответственность за любое заявление, связанное с неспособностью властей составить и сохранить документы до признания Высокой Договаривающейся Стороной в 1966 году права на подачу индивидуальной жалобы.

Относительно жалобы на отказ проводить последующее изучение состояния здоровья участников экспериментов, власти Соединенного Королевства заявили, что у них не было положительного обязательства делать это, что подобное обязательство не могло бы, никаким образом, появиться без убедительных доказательств о наличии какой-либо существенной проблемы и что, в любом случае, на тот момент эпидемиологическое исследование, проводимое с целью уменьшить страхи военнослужащих, не было закончено.

154. Наконец, ссылаясь также на ответные заключения медицинских работников, представленные в 1987 и 1989 годах, на встречи и переписку с министром обороны в 1997 году, на Схему 1998 года и на текущее эпидемиологическое исследование, власти Соединенного Королевства заключили, что заявитель имел доступ ко всей необходимой информации.

С. Мнение Европейского суда

1. Применимость статьи 8 Конвенции

155. Доводы властей Соединенного Королевства относительно участия заявителя в экспериментах 1962 года были неопределенными, несмотря на установленные апелляционным пенсионным судом факты. Европейский суд не считал необходимым в целях настоящей жалобы рассматривать этот вопрос, поскольку, в любом случае, признанным фактом считается нахождение заявителя в Центре химической и биологической защиты Портон-Дауна в 1963 году с целью участия в испытаниях горчичного и нервно-паралитического газа на военнослужащих британских Вооруженных сил.

В ходе экспериментов, описание которых приведено выше в § 15 - 16, заявитель подвергнулся воздействию небольших доз обоих веществ в научно-исследовательских целях. В случае испытаний горчичного газа апелляционный пенсионный суд прямо установил, что их целью являлась проверка прочности военной формы при воздействии на нее газа (см. установленные апелляционным пенсионным судом факты выше в § 63), а в случае нервно-паралитического газа цель заключалась в выявлении реакции военнослужащих на этот газ при его вдыхании. Даже принимая объяснения властей Соединенного Королевства относительно способа проведения этих экспериментов, Европейский суд считал, что вопрос о доступе к информации, которая могла бы развеять опасения заявителя по этому поводу или позволила бы ему оценить опасность, которой он подвергнулся, достаточно тесно связан с его личной и семейной жизнью по смыслу статьи 8 Конвенции, чтобы дать ему основание для подачи жалобы в соответствии с положениями вышеуказанной статьи (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства", § 97).

Соответственно, Европейский суд счел, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, возникают ли отдельные спорные вопросы на основании второго аспекта этой статьи Конвенции - права на уважение семейной жизни.

156. Следовательно, [статья 8](#) Конвенции применима к настоящему делу.

2. Соблюдение статьи 8 Конвенции

157. Заявитель считал, что власти Соединенного Королевства не обеспечили ему доступ к информации в нарушение его прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции. Европейский суд напомнил, что в дополнение к первоначальным негативным обязательствам по [статье 8](#) Конвенции, могут иметь место и положительные обязательства государства, являющиеся неотъемлемой частью эффективного уважения личной жизни лица. Европейский суд указал, что при определении наличия или отсутствия такого положительного обязательства необходимо учитывать справедливый баланс между общими интересами общества и интересами отдельного человека, применяя цели [пункта 2 статьи 8](#) Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Гаскин против Соединенного Королевства", § 42).

158. В деле "Гаскин против Соединенного Королевства" имели место материалы, содержащие сведения о детстве заявителя, изучить которые в полном объеме у него не было возможности. Европейский суд пришел к выводу, что власти Соединенного Королевства, рассматривая его запросы о доступе к этим материалам, нарушили положительное обязательство, вытекающее из [статьи 8](#) Конвенции:

"... для лиц, находящихся в ситуации, аналогичной ситуации заявителя, получение информации, необходимой для того, чтобы знать и понимать свое собственное детство и ранние годы развития, представляет собой жизненно важный интерес, охраняемый [Конвенцией](#). С другой стороны, необходимо помнить о том, что конфиденциальность государственных архивов имеет большое значение для получения объективной и надежной информации, и что такая конфиденциальность может быть также необходима для защиты прав и законных интересов третьих лиц. В этом отношении Европейский суд отметил, что систему, подобную британской, предоставляющую доступ к информации при наличии согласия составителей документации, можно, в принципе, считать совместимой с обязательствами по [статье 8](#) Конвенции, с учетом свободы действий Высокой Договаривающейся Стороны. Тем не менее, Европейский суд счел, что при такой системе государство должно гарантировать соблюдение интересов отдельных лиц, стремящихся получить доступ к информации об их личной и семейной жизни, в том случае, если составитель или недоступен, или необоснованно отказывается дать согласие на ознакомление этих лиц с документами. Такая система будет соответствовать принципу соразмерности только тогда, когда будет предусматривать, что в случае, когда составитель не дает никакого ответа или не дает своего согласия, окончательное решение о предоставлении доступа принимается независимым органом. Заявитель не имел возможности обратиться к такой процедуре в данном деле".

159. В более позднем деле "Герра и другие против Италии" (упоминавшемся выше) Европейский суд определял, предприняли ли национальные власти необходимые меры для предоставления заявителям информации, касающейся возможного риска для их здоровья и благосостояния:

"Европейский суд напомнил, что сильное загрязнение окружающей среды может сказаться на благополучии людей и помешать им пользоваться своим жилищем в такой степени, что крайне отрицательно отразится на их личной и семейной жизни (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Лопес Остра против Испании" (*Lopez Ostra v. Spain*), p. 54, § 51). В настоящем деле заявители ожидали непосредственно до прекращения в 1994 году производства удобрений получения основной информации, которая позволила бы им оценить степень опасности,

которой они и их семьи подвергались бы, если бы остались жить в Манфредонии (Manfredonia), в городе, который подвергался особой опасности в случае аварии на заводе.

Таким образом, Европейский суд постановил, что государство-ответчик не выполнило свое обязательство по обеспечению права заявителей на уважение их частной и семейной жизни в нарушение положений [статьи 8](#) Конвенции".

160. Позже в упоминавшемся выше [деле](#) "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства" Европейский суд также рассмотрел вопрос о том, выполнило ли государство свое положительное обязательство, выражающееся в предоставлении информации заявителям-военнослужащим, которые участвовали в испытаниях ядерного оружия в атмосфере. Это дело отличалось от дела "Герра и другие против Италии", так как в том деле не оспаривался тот факт, что деятельность расположенного рядом завода представляла угрозу для заявителей, или что государственные органы владели информацией, которая позволила бы им оценить степень этой опасности и предпринять меры для ее предотвращения, тогда как заявители МакГинли и Иган только лишь утверждали, что у органов власти находятся соответствующие документы (данные об уровне радиации). Европейский суд отметил далее:

"... власти Соединенного Королевства утверждали, что не существовало веских причин, связанных с вопросами национальной безопасности, для сокрытия информации относительно уровней радиации... после проведения испытаний.

101. В этих обстоятельствах, учитывая заинтересованность заявителей в получении доступа к указанным материалам и очевидную незаинтересованность скрывать их в государственных интересах, Европейский суд счел, что на основании [статьи 8](#) Конвенции у государства появляется положительное обязательство. В тех случаях, когда власти Соединенного Королевства занимаются рискованной деятельностью (подобно той, которая является предметом спора в настоящем деле), которая могла бы иметь скрытые неблагоприятные последствия для здоровья всех лиц, вовлеченных в подобную деятельность, уважение личной и семейной жизни в соответствии со [статьей 8](#) Конвенции, требует создания эффективной и доступной процедуры, предоставляющей этим лицам возможность получить всю необходимую и соответствующую информацию.

102. Что касается соблюдения вышеуказанного положительного обязательства, то Европейский суд напомнил свои выводы в отношении жалобы на нарушение [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции, что правило 6 Регламента апелляционного пенсионного суда предусматривает процедуру, которая позволила бы заявителям получать от Министерства обороны требуемые документы, подтверждающие, что они не подвергались опасному уровню облучения, и что на рассмотрение Европейскому суду не были представлены доказательства, на основании которых он мог бы предположить, что эта процедура не была результативной... Однако ни один из заявителей не пожелал воспользоваться этой процедурой и, по свидетельствам, представленным Европейскому суду, не обращался когда-либо ранее в компетентные органы власти с просьбой предоставить ему указанные документы.

На этих основаниях настоящее дело отличалось от дела "Гаскин против Соединенного Королевства", в котором заявитель обратился в Высокий Суд правосудия с ходатайством о предоставлении ему документации, доступа к которой он добивался.

103. Европейский суд счел, что, предусмотрев процедуру по правилу 6 Регламента апелляционного пенсионного суда, государство выполнило свое положительное обязательство по [статье 8](#) Конвенции в отношении заявителей. Следовательно, не имело место нарушение этой статьи".

161. Европейский суд отметил, что в настоящем деле вполне обоснованно можно считать, что неуверенность заявителя в том, подвергался ли он опасности во время участия в испытаниях, проводимых в Портон-Дауне, вызвала у него серьезную обеспокоенность и причиняла страдания (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства", [§ 99](#)).

Действительно, существовало ясное доказательство, подтверждающее это. При появлении у заявителя в 1987 году проблем со здоровьем он открыто пытался разными способами (подробно описанными выше в § 17 - 33) найти какую-либо информацию об его участии в экспериментах и уменьшить свою тревогу в отношении последствий этих экспериментов. Хотя апелляционный пенсионный суд, ссылаясь на заключение своего эксперта, и пришел к выводу об отсутствии каких-либо достоверных доказательств, позволяющих предположить наличие причинной связи между экспериментами и обжалуемым состоянием здоровья заявителя, это имело место только в 2004 году.

И, в любом случае, Высокий Суд правосудия удовлетворил его жалобу и направил дело обратно в апелляционный пенсионный суд, в производстве которого дело находится в данный момент. Более того, как теперь стало известно, большое количество "соответствующих документов" относительно экспериментов 1963 года, все еще существовали в 1966 году, когда государство-ответчик сделало заявления в соответствии со [статьями 25 и 46](#) Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства", § 88): документы, приложенные к Письму министра обороны от 2 декабря 1987 г.; документы, указанные в Письме из Центра в Портон-Дауне от 3 мая 2001 г.; медицинские учетные материалы, представленные властями Соединенного Королевства вместе с замечаниями по данному делу (от 9 марта 1998 г. и от 5 апреля 2001 г.); и дополнительные документы, представленные в апелляционный пенсионный суд 6 июля 2001 г., 23 августа 2002 г., 2 и 21 октября 2002 г. и 18 апреля 2005 г.

Вместе с тем, власти Соединенного Королевства не утверждали о наличии какой-либо важной причины для сокрытия вышеуказанной информации, хотя они и заявили о сложностях поиска старых медицинских документов, которые неизбежно были уничтожены. Власти Соединенного Королевства не ссылались на такое основание как "медицинская информация: конфиденциально", но, в любом случае, такое основание было бы несовместимо с неясной формулировкой этого понятия в Законе 1990 года и с очевидным решением не заявлять его в контексте Схемы 1998 года и медицинских документов Портон-Дауна. Пересмотрев свою позицию и рассекретив документы (см. выше § 53, 55, 57, 59 и 68), власти Соединенного Королевства отметили, что "никакие существенные сведения" не остались нераскрытыми в интересах национальной безопасности (см. выше § 152).

162. При данных обстоятельствах Европейский суд счел, что у государства появляется положительное обязательство обеспечить "эффективную и доступную процедуру", предоставляющую заявителю возможность получить доступ ко "всей необходимой и соответствующей информации" (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства", § 101), которая позволила бы ему оценить степень опасности, которой он подвергался в ходе экспериментов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Герра и другие против Италии", § 101).

163. Относительно вопроса соблюдения этого положительного обязательства власти Соединенного Королевства, главным образом, ссылались на заключение Европейского суда по [делу](#) "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства" о том, что, предусмотрев в правиле 6 Регламента апелляционного пенсионного суда определенную процедуру, они выполнили это обязательство.

164. Европейский суд счел, что этот вывод не применим к настоящему делу, поскольку основные жалобы заявителей МакГинли и Игана и настоящего заявителя несопоставимы. Поиск документов первыми заявителями был неразрывно связан с их ходатайствами по национальному законодательству о получении пенсий в отношении болезней, которые, как они утверждали, были вызваны их участием в испытаниях ядерного оружия. В отличие от них заявитель по настоящему делу неоднократно предпринимал попытки получить соответствующие медицинские документы

(перечисленные выше в § 17 - 33) независимо от судебного производства и, в частности, производства по рассмотрению ходатайство о назначении пенсии. Даже после того, как в 1991 году он подал ходатайство о получении пенсии, он продолжил поиск документов параллельно с рассмотрением данного ходатайства, поскольку предусмотренная правилом 6 процедура была недоступна в суде первой инстанции. Заявитель по настоящему делу обратился в апелляционный пенсионный суд только потому, что считал себя вынужденным это сделать с тем, чтобы запросить документы на основании правила 6 Регламента апелляционного пенсионного суда, следуя [Постановлению](#) Европейского суда по вышеуказанному делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства" от 9 июня 1998 г.

165. Постановление Европейского суда по делу "МакГинли и Иган против Соединенного Королевства" не предполагает, что процедура раскрытия документов, связанная с судопроизводством, являясь принципиальным вопросом, могла бы реализовать положительное обязательство государства по предоставлению информации лицу, такому как заявитель по настоящему делу, который последовательно добивался такого доступа к информации независимо от судопроизводства. Согласно упоминавшимся выше делам "Герра и другие против Италии" и "Гаскин против Соединенного Королевства" и в соответствии с доводами самого заявителя данное обязательство по предоставлению информации (такого характера, как указано выше в § 162) не обязывает лицо обращаться в судебные органы, чтобы ее получить.

166. Власти Соединенного Королевства также ссылались в более общих чертах на раскрытие документов посредством "медицинского" и "политического" способов и на иные информационные исследования и изучение состояния здоровья участников экспериментов (см. выше § 17 - 33 и 69 - 71). Однако Европейский суд не считал, что эти факторы, как по отдельности, так и в совокупности, могут представлять собой структурированный процесс предоставления информации, предусмотренный [статьей 8](#) Конвенции. В любом случае, очевидным являлся тот факт, что те процессы привели к частичному раскрытию информации, предоставив лишь последние соответствующие документы, а именно в ходе рассмотрения настоящей жалобы и апелляционной жалобы в апелляционном пенсионном суде.

В частности, врачу заявителя были представлены материалы в 1987 и 1989 годах. Однако заявитель не видел их до 1994 года вследствие основания "медицинская информация: конфиденциально"; эти материалы не содержали никакой информации относительно экспериментов с горчичным газом, они не были подтверждены лежащими в их основе медицинскими картами и, в любом случае, являлись неверными в отношении некоторых вопросов (см. выше § 19 и 36). После отказа в предоставлении ему новой информации, заявитель впервые получил доступ к оригинальным медицинским документам в 1997 году: в результате процедуры ad hoc, учрежденной в ответ на его настойчивые поиски информации (см. выше § 19 - 33), и она представляла собой лишь одну из многих составляющих.

Более того, все процессы, описанные как "информационные исследования и изучение состояния здоровья участников экспериментов", начались только через 10 лет после того, как заявитель приступил к поиску медицинских документов и, кроме того, после того, как он подал жалобу в Европейский суд.

Что касается Схемы 1998 года, Европейский суд напомнил о тех трудностях, с которыми столкнулись национальные власти, даже в рамках судебного производства в апелляционном пенсионном суде, при предоставлении документов на основании распоряжения председателя апелляционного пенсионного суда в соответствии с правилом 6 Регламента апелляционного пенсионного суда. Даже принимая во внимание только период времени, следующий за распоряжением председателя апелляционного пенсионного суда в феврале 2001 года, процесс раскрытия документов происходил по частям (в пять этапов, указанных выше в § 161, последний по времени этап имел место в

апреле 2005 года), власти Соединенного Королевства пересматривали свою позицию по вопросу классификации некоторых документов пять раз в течение этого периода (см. выше § 53, 55, 57, 59 и 68) и, спустя четыре года после вынесения распоряжения в соответствии с правилом 6, этот процесс предоставления информации остается незавершенным (см. Письмо от 18 апреля 2005 г., выше § 68). Апелляционный пенсионный суд счел "тревожными" те трудности, которые заявителю пришлось преодолеть при получении документов, представленных на рассмотрение в апелляционном пенсионном суде. Таким же показательным является тот факт, что ни один из органов власти, связанный с установленной правилом 6 процедурой или с рассмотрением настоящей жалобы, не знал до недавнего времени о письмах адвоката Министерства финансов, датированных 1953 годом (см. выше § 72). Европейский суд счел, что эти сложности в обеспечении всестороннего и структурированного предоставления документов до настоящего времени аннулируют любое предположение о том, что лицо вследствие посещения Портон-Дауна с целью изучения находящихся там документов (Схема 1998 года) могло бы получить всю необходимую и соответствующую информацию. Несомненным фактом являлось то, что некоторые медицинские документы (существующие после 1966 года), учитывая дату их составления и их характер, каким-то образом были утеряны, и поэтому определить местонахождение всех соответствующих документов представлялось, и, возможно, до сих пор представляется, сложным. Однако несомненным является и то, что отсутствие обязательства по раскрытию и предоставлению информации облегчает такое исчезновение документов и лишает лицо права на доступ к необходимой и соответствующей информации.

Наконец, в Программе медицинской оценки состояния здоровья добровольцев экспериментов в Портон-Дауне приняли участие лишь 111 участников экспериментов и не была сформирована экспериментальная группа, тогда как в испытаниях нервно-паралитического газа участвовали 3000 военнослужащих, а в испытаниях горчичного газа 6000 человек, при этом некоторые военнослужащие принимали участие в обоих видах экспериментов. Комплексное эпидемиологическое исследование было начато лишь в 2003 году и до настоящего времени не завершено.

167. При данных обстоятельствах Европейский суд счел, что власти Соединенного Королевства не выполнили свое положительное обязательство обеспечить эффективную и доступную процедуру, предоставляющую заявителю возможность получить доступ ко всей необходимой и соответствующей информации, которая позволила бы ему оценить степень опасности, которой он подвергался в ходе экспериментов.

168. Таким образом, Европейский суд счел, что нет необходимости рассматривать дополнительный довод заявителя о том, что положительное обязательство государства требовало завершения "последующего всестороннего изучения состояния здоровья участников экспериментов" (см. выше § 146), и альтернативные и второстепенные замечания заявителя, представленные выше в § 148.

169. Соответственно, имело место нарушение [статьи 8](#) Конвенции.

VI. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

170. Заявитель также жаловался на недостаточное предоставление информации, ссылаясь на [статью 10](#) Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, гласит:

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или

санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, ... предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально...".

171. Хотя заявитель признавал, что до настоящего времени Европейский суд рассматривал подобные вопросы в рамках [статьи 8](#) Конвенции, он утверждал, что право на получение доступа к информации, являясь принципиальным вопросом, было важной и неотъемлемой частью гарантии, закрепленной [статьей 10](#) Конвенции. Власти Соединенного Королевства не согласились с данным доводом.

172. Европейский суд напомнил свое заключение, к которому он пришел по делу "Леандер против Швеции" (Leander v. Sweden) (см. Постановление Европейского суда от 26 марта 1987 г., Series A, N 116, § 74) и по упоминавшемуся выше делу "Гаскин против Соединенного Королевства" (§ 52) и подтвердил в упоминавшемся выше деле "Герра и другие против Италии" (§ 53), о том, что свобода получать информацию "запрещает властям ограничивать доступ лица к получению информации, которую иные лица желают или, возможно, готовы ему сообщить", и что эта свобода "не может толковаться как налагающая на государство в обстоятельствах, аналогичных обстоятельствам настоящего дела, положительные обязательства... распространять информацию по своему усмотрению". Европейский суд счел обоснованным применить к данному делу эту сложившуюся судебную практику.

173. Таким образом, не имело место вмешательство в право заявителя на получение информации по смыслу [статьи 10](#) Конвенции.

VII. Применение статьи 41 Конвенции

174. [Статья 41](#) Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение [Конвенции](#) или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Ущерб

175. В отношении компенсации материального ущерба заявитель считал, что непредставление ему информации и применение в его деле свидетельства на основании [статьи 10](#) лишили его возможности подать гражданский иск против Министерства обороны при наличии необходимых доказательств для установления соответствующей причинно-следственной связи. Возможность обращения в апелляционный пенсионный суд не помогла ему, так как система назначения пенсий не являлась соответствующей заменой гражданского иска и так как апелляционный пенсионный суд был ограничен в действиях вследствие недостаточности представленных ему доказательств, что, в свою очередь, было связано с неспособностью государства составить и надлежащим образом сохранить документы, провести надлежащее краткосрочное и долгосрочное наблюдение за здоровьем участников экспериментов и назначить проведение последующих эпидемиологических исследований. Не указывая точный размер ущерба за эту упущенную возможность, он отметил, что она выражалась в потере заработка вследствие его слабого здоровья, как результат его участия в экспериментах.

В отношении предполагаемого морального вреда он заявил, что в течение очень длительного времени не имел доступа к необходимой для него информации. Кроме этого, безосновательные заявления властей о безвредном характере экспериментов вызвали у него только серьезную обеспокоенность, неуверенность и причинили страдания. Заявитель утверждал, что на протяжении почти 20 лет он предпринимал попытки

(медицинского, политического и судебного характера) для получения информации. Он не считал, что предусмотренная правилом 6 процедура являлась решением проблемы, и утверждал, что в любом случае, до сих пор он не имеет доступ ко всей информации. Заявитель отметил, что признание нарушения само по себе не представит ему достаточную справедливую компенсацию за причиненный моральный вред, и что такое признание давало ему право на получение значительной компенсации, хотя точной суммы он не указал.

176. Как в отношении предполагаемого материального ущерба, так и морального вреда Власти Соединенного Королевства напомнили, что заявитель мог в любое время обратиться к системе получения пенсии (вместо гражданского иска), к производству дела в апелляционном пенсионном суде и к предусмотренной правилом 6 Регламента апелляционного пенсионного суда процедуре. В соответствии с правилом 6 ему была предоставлена информация, его право на получение пенсии осталось открытым, и при соблюдении условий компенсации ему будет назначена пенсия.

177. Европейский суд напомнил, что он не установил нарушение [статьи 6](#) Конвенции в отношении обжалуемого свидетельства на основании [статьи 10](#). Кроме того, признание Европейским судом нарушения было основано на праве заявителя *per se* на получение информации об его участии в экспериментах независимо от рассмотрения дела в суде. Европейский суд отметил, что в любом случае невозможно строить предположения относительно возможностей заявителя в установлении причинной связи между его участием в экспериментах и слабым здоровьем, если бы ему была предоставлена "эффективная и доступная процедура", открывающая доступ ко "всей необходимой и соответствующей информации".

178. Несмотря на это, Европейский суд счел, что заявитель действительно испытал чувство разочарования, неопределенности и тревоги: в ходе экспериментов были использованы вещества, которые, теоретически, являлись военным оружием; с 1987 года, когда он приступил к поиску информации, он страдал от хронических заболеваний дыхательных путей; для получения этой информации в течение длительного времени он предпринимал значительные и решительные действия (медицинского, политического и судебного характера); предоставление информации носило поступательный характер и, очевидно, не было завершено (см. выше [§ 161](#) и [163](#)). Европейский суд счел, что такой моральный вред не может быть компенсирован самим признанием факта нарушения [Конвенции](#).

179. Учитывая присуждение компенсации в подобных делах и исходя из принципа справедливости, Европейский суд присудил заявителю сумму в размере 8000 евро, подлежащие переводу в фунты стерлингов по курсу на день произведения выплаты.

В. Судебные расходы и издержки

180. Заявитель потребовал присудить ему общую сумму в 100109,67 фунта стерлингов (включая налог на добавленную стоимость) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе судебного разбирательства в апелляционном пенсионном суде и при рассмотрении настоящей жалобы, в том числе ожидаемых судебных расходов при разбирательстве его дела Европейским судом в октябре 2004 года.

В частности, он потребовал выплаты 86663,84 фунта стерлингов за рассмотрение настоящей жалобы, включая вознаграждение солиситору и солиситору-стажеру (почти 100 часов работы) и трем советникам (включая работу одного королевского адвоката). Судебные расходы и издержки, понесенные заявителем при разбирательстве его дела в апелляционном пенсионном суде, составили 13445,83 фунта стерлингов, включая вознаграждение солиситору и солиситору-стажеру (за 40 часов работы) и двум советникам (один из которых не участвовал в разбирательстве дела в Европейском суде). Заявитель представил смету и письменные свидетельства в отношении заявленных

судебных расходов. Заявитель не требовал возмещения судебных издержек и расходов, связанных с рассмотрением его апелляционной жалобы, поданной в Высокий Суд правосудия, поскольку правило 28 Регламента апелляционного пенсионного суда закрепляло его право на возмещение расходов, как только разрешение на апелляцию будет удовлетворено.

181. Власти Соединенного Королевства утверждали, что требования, заявленные в отношении разбирательства дела в Европейском суде, являлись завышенными. Они считали излишним назначение трех советников (для производства по настоящей жалобе), и отметили, что, в любом случае, вознаграждения солиситорам должны быть ниже. Некоторые элементы работы не были ясно описаны, а смета гонораров не была предоставлена. Они оспорили необходимость настолько долгого представления заявителем своих замечаний в Большой палате и утверждали, что сумма в 29000 фунтов стерлингов будет достаточной для возмещения заявителю судебных расходов и издержек в отношении разбирательства его дела в Европейской комиссии и в Европейском суде. Власти Соединенного Королевства не прокомментировали требование в отношении судебных расходов и издержек, понесенных заявителем при разбирательстве его дела в Апелляционном пенсионном суде.

182. Европейский суд напомнил, что только законные судебные расходы и издержки, действительно и вынужденно понесенные (при разбирательстве дела в национальных судах в целях получения компенсации за деяния, нарушающие [Конвенцию](#), или в целях предотвращения нарушения) и размер которых является обоснованным, возмещаются в разумных пределах в соответствии со [статьей 41](#) Конвенции (см. например, Постановление Европейского суда по делу "Сташайтис против Литвы" (*Stasaitis v. Lithuania*) от 21 марта 2002 г., жалоба N 47679/99, § 102 - 103).

183. С одной стороны, настоящая жалоба имела сложный характер. Потребовалось рассмотрение ее в Палате и в Большой палате Европейского суда, включая несколько этапов представления замечаний сторон и устное слушание. Разбирательство дела было приостановлено на несколько лет в ожидании решения по апелляционной жалобе заявителя, поданной в апелляционный пенсионный суд. В течение этого перерыва заявитель постоянно сообщал Европейскому суду о продвижении жалобы, а впоследствии продолжил участвовать в судопроизводстве в апелляционном пенсионном суде одновременно с рассмотрением настоящей жалобы. Европейский суд счел обоснованным признать судебные расходы и издержки, понесенные при разбирательстве дела в апелляционном пенсионном суде как вынужденно понесенные (за исключением расходов, связанных с производством по жалобе в Высоком Суде правосудия, которые не были заявлены), несмотря на установленный выше факт нарушения [статьи 8](#) Конвенции, с учетом того, что это разбирательство привело к раскрытию многих документов не позже апреля 2005 года. Дальнейшие расходы, как в рамках производства по настоящей жалобе, так и производства в апелляционном пенсионном суде, были понесены с даты устного слушания; по состоянию на этот день заявитель представил размер судебных расходов и издержек.

184. С другой стороны, Европейский суд счел излишним назначать трех советников и одного солиситора (а также солиситора-стажера) для разбирательства дела в Европейском суде и двух советников (вместе с солиситором и стажером) для разбирательства дела в апелляционном пенсионном суде. Заявитель не дал объяснений, почему один из советников, работавших над апелляционной жалобой, поданной в апелляционный пенсионный суд, не участвовал в рассмотрении жалобы в Европейском суде: это привело к дублированию работы. Кроме того, как отметили власти Соединенного Королевства, сметы вознаграждений советникам не разъясняли четко некоторые аспекты работы и не содержали тарифные ставки за работу советников. Более того, исчисленные гонорары за разбирательство дела в Европейском суде (около 37000 фунтов стерлингов, включая расходы на проезд, проживание и вознаграждение трех

советников и одного солиситора) являлись необоснованно завышенными. Европейский суд также отметил, что исход требования заявителя на основании [статьи 6](#) Конвенции, составлявшего основную часть общей жалобы, оказался отрицательным, следовательно, размер судебных расходов и издержек должен быть сокращен (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Z. и другие против Соединенного Королевства", § 134).

185. Исходя из принципа справедливости, Европейский суд присудил заявителю 47000 евро в возмещение судебных расходов и издержек за разбирательство дела в апелляционном пенсионном суде и за рассмотрение настоящей жалобы (данная сумма подлежит переводу в фунты стерлингов по курсу на день произведения выплаты и включает любой налог на добавленную стоимость, который может быть начислен на эту сумму) за вычетом 3228,72 евро, уже выплаченных Советом Европы в качестве правовой помощи.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

186. Европейский суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

1) постановил девятью голосами против восьми, что не имело место нарушение [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции;

2) постановил шестнадцатью голосами против одного, что не имело место нарушение [статьи 1](#) Протокола N 1 к Конвенции;

3) единогласно постановил, что не имело место нарушение [статьи 14](#) Конвенции, взятой в совокупности со [статьей 6](#) Конвенции и [статьей 1](#) Протокола N 1 к Конвенции;

4) постановил шестнадцатью голосами против одного, что не имело место нарушение [статьи 13](#) Конвенции, взятой в совокупности со [статьей 6](#) Конвенции и [статьей 1](#) Протокола N 1 к Конвенции;

5) единогласно постановил, что имело место нарушение [статьи 8](#) Конвенции;

6) единогласно постановил, что не имело место нарушение [статьи 10](#) Конвенции;

7) единогласно постановил:

a) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в фунты стерлингов по курсу на день произведения выплаты:

i) 8000 (восемь тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;

ii) 47000 (сорок семь тысяч) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек (включая любой налог на добавленную стоимость, который может быть начислен на эту сумму) за вычетом 3228,72 евро, уже выплаченных Советом Европы в качестве правовой помощи;

b) что с даты истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты простые проценты должны начисляться на эти суммы в размере, равном минимальному ссудному проценту Европейского центрального банка плюс три процента;

8) единогласно отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, и оглашено на открытом слушании во Дворце Прав человека в г. Страсбурге 19 октября 2005 г.

Председатель

В соответствии с [пунктом 2 статьи 45](#) Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему [Постановлению](#) прилагаются следующие особые мнения судей:

- a) совпадающее [мнение](#) судьи Л. Кафлиша, к которому присоединился судья Г. Ресс;
- b) особое [мнение](#) судьи Л. Лукайдеса, к которому присоединились судьи Х.Л. Розакис, Б. Цупанчич, В. Стражничка, Й. Касадеваль, В. Томассен, Р. Марусте и К. Трайа;
- c) особое [мнение](#) судьи Б. Цупанчича.

Л.В.

Т.Л.Э.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Л. КАФЛИША, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ Г. РЕСС

Мы согласны с выводами большинства судей по настоящему [делу](#). По вопросу применения [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции, мы согласны, в частности с тем, что ограничение, содержащееся в статье 10 Закона 1947 года "О производстве в судах Короны", препятствовало возможности заявителя подать иск против государства, и что это ограничение было связано с применимыми принципами материального права на предъявление иска в соответствии с национальным законодательством (см. [§ 124](#) настоящего Постановления).

Придя к вышеуказанному заключению, Европейский суд не счел необходимым рассматривать альтернативный довод властей Соединенного Королевства (см. [§ 113](#) настоящего Постановления) о том, что [пункт 1 статьи 6](#) Конвенции был неприменим к данному [делу](#) на основании Постановления Большой палаты Европейского суда по делу "Пеллегрен против Франции" (Pellegrin v. France (жалоба N 28541/95, [§ 66](#), ECHR 1999-VIII) и Постановления Европейского суда по делу "R. против Бельгии" (R. v. Belgium) (от 27 февраля 2001 г., жалоба N 33919/96), что исключает из сферы действия этой статьи дела, касающиеся взаимоотношений Высокой Договаривающейся Стороны и должностных лиц этого государства при исполнении публичных функций. Европейский суд отметил в [деле](#) "Пеллегрен против Франции":

"единственными спорами, которые исключены из сферы действия [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции, являются те, которые заявлены государственными служащими, чьи обязанности являются типичным примером деятельности государственной службы до тех пор, пока последняя действует как доверенное лицо государственной власти, ответственное за защиту общих интересов государства, или других государственных органов. Ясным примером такой деятельности являются действия вооруженных сил и полиции" (§ 66; выделено автором).

Настоящее [дело](#) непосредственно попадает в эту категорию, поэтому мы считаем, что жалоба заявителя о нарушении [пункта 1 статьи 6](#) Конвенции должна быть также отклонена на основе альтернативного довода властей Соединенного Королевства, который был представлен ими, но не рассмотрен Европейским судом.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ Л. ЛУКАЙДЕСА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ СУДЬИ
Х.Л. РОЗАКИС, Б. ЦУПАНЧИЧ, В. СТРАЖНИЧКА, Й. КАСАДЕВАЛЛЬ,
В. ТОМАССЕН, Р. МАРУСТЕ И К. ТРАЙА

Я не могу согласиться с мнением большинства судей о том, что заявитель не имел гражданского "права", признанного национальным законодательством, в силу которого мог быть применен [пункт 1 статьи 6](#) Конвенции, и что, как следствие, не имело место нарушение этой нормы [Конвенции](#). Я считаю, что в настоящем [деле](#) заявитель имел гражданское право в отношении гражданского правонарушения из халатности, к которому было применено процессуальное ограничение. Поэтому я пришел к выводу, что пункт 1 статьи 6 Конвенции применим к настоящему делу и что, в связи с тем, что заявителю было отказано в праве доступа к правосудию, имело место нарушение положений [этой статьи](#) Конвенции. Я подробно представлю основания моего вывода.

Основной спорный вопрос в этом [деле](#) заключался в том, являлись ли ограничения, введенные статьей 10 Закона 1947 года "О производстве в судах Короны", процессуальными или иными нематериальными ограничениями в отношении предъявления иска в британские суды в случаях, подобных делу заявителя, или они ограничивали объем материального основания для подачи иска, вследствие чего заявитель не мог применить [статью 6](#) Конвенции, поскольку не имел гражданского права на это. При рассмотрении этого вопроса необходимо принять во внимание внутреннее право государства и в то же время учесть самостоятельную концепцию [Конвенции](#) относительно гражданского права. То есть вопрос состоит в том, имел ли заявитель основание для предъявления иска, в отношении которого ему было отказано в доступе к правосудию вследствие процессуальных ограничений, или же он вообще не имел основания для подачи иска, что, соответственно, свидетельствовало об отсутствии каких-либо вопросов относительно права доступа к правосудию на основании [статьи 6](#) Конвенции.

До 1947 года никто не мог подать гражданский иск против Соединенного Королевства. Очевидно, политические и социальные события привели к радикальному изменению ситуации в стране. Статья 2 Закона 1947 года впервые закрепила норму о гражданской ответственности государства. Тем не менее, статья 2 была ограничена условиями статьи 10 этого же Закона, которая предусматривала иное отношение к военнослужащим вооруженных сил. При причинении вреда военнослужащему вооруженных сил при выполнении им своих служебных обязанностей государство не несло гражданской ответственности, если министр обороны подтверждал своим решением, что смерть или причинение физического вреда здоровью могут считаться относящимися к военной службе в целях назначения этому лицу военной пенсии, суть этого заключалась в том, чтобы заменить гражданский иск системой назначения пенсии без доказывания вины. Так как место расположения статей 2 и 10 в части I Закона 1947 года, озаглавленной "Материальное право", имеет значение, то необходимо также учесть, что военнослужащий может использовать основание гражданского иска против государства для предъявления такого иска к государству в том случае, если министр обороны не выдаст "свидетельство на основании статьи 10". Необходимо подчеркнуть, что статья 10 Закона 1947 года была отменена в 1987 году, предоставляя военнослужащим вооруженных сил возможность подавать гражданские иски против государства без каких-либо ограничений, однако эта отмена касалась случаев, имевших место после вступления в силу Закона 1987 года и, несомненно, была неприменима в [деле](#) заявителя.

До решения вопроса о приемлемости жалобы по настоящему делу Высокий Суд правосудия (в деле "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства" (Matthews v. the Ministry of Defence), документ 6, § 79 - 89) пришел к выводу, что статья 10 Закона 1947 года несовместима со [статьей 6](#) Конвенции вследствие того, что она являлась

несоразмерным процессуальным препятствием (§ 84 - 86 настоящего Постановления). После стадии решения вопроса о приемлемости жалобы, апелляционный суд и Палата лордов отменили решение Высокого Суда правосудия, постановив, что статья 10 Закона 1947 года определяла границы материального основания для иска и, соответственно, [статья 6](#) Конвенции была неприменима (§ 87 - 95 настоящего Постановления).

Следовательно, я считаю, что при решении спора, являлся ли тот факт, что заявитель не мог предъявить к государству иск за проявление халатности - возможность, предоставленная каждому физическому лицу на основании одного и того же Закона - процессуальным или материальным вопросом, необходимо учитывать подход Высокого Суда правосудия и Палаты лордов по данному вопросу в деле "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного Королевства".

Согласно заключению Высокого Суда правосудия, соответствующие положения Закона 1947 года не влияли на право заявителя подавать иск, а лишь не позволили ему предъявить к государству иск о возмещении ущерба за нарушение этого права. Иными словами, имело место право на предъявление иска, но отсутствовало средство правовой защиты этого права. В этой связи суд принял во внимание тот факт, что заявитель не смог подать иск на основании этих норм права вследствие принятого министром обороны решения выдать свидетельство, предоставляющего заявителю право на получение пенсии без необходимости доказывать вину. Высокий Суд правосудия подчеркнул следующее:

а) Даже допуская предположение о том, что свидетельство, предусмотренное [статьей 10](#) Закона 1947 года в качестве условия, не допускающего подачу гражданского иска против государства, как правило выдавалось, по принципиальным соображениям в каждом случае, когда министр обороны был убежден в наличии связи между травмами военнослужащего и прохождением военной службы в вооруженных силах, это не означало, что министр обороны, ответственный за выдачу такого свидетельства, не мог по своему желанию отступать от такой политики.

б) Если бы законодательная власть намеревалась исключить иски военнослужащих вооруженных сил, как заявитель, из сферы гражданской ответственности государства, а не просто ограничить такую ответственность определенными процессуальными условиями, то она могла бы просто указать, что нормы в отношении гражданской ответственности неприменимы к искам такой категории лиц (см. [§ 18](#) и [22](#) настоящего Постановления).

Подход Палаты лордов заключался в том, что обжалуемые заявителем правовые нормы впервые закрепили гражданскую ответственность государства. Рассматриваемые законодательные нормы определяли пределы основания для иска в отношении таких исков. [Статья 10](#) Закона 1947 года, которая не позволяла заявителю подать иск в обстоятельствах его дела, установила ограничение оснований для предъявления иска, оставив дела, аналогичные его делу, вне сферы регулирования такого иска.

Относительно того факта, что отсутствие гражданской ответственности в делах, подобных [делу](#) заявителя, зависело от выдачи министром обороны свидетельства, ведущего к назначению и выплате пенсии - на что ссылался Высокий Суд правосудия в своем заключении о том, что в подобных делах ограничение права обращения в суд являлось процессуальным ограничением, а не материальным - Палата лордов пришла к выводу, что в соответствии с

"...с фактическими обстоятельствами дела... что на практике министр обороны выдает свидетельства в тех случаях, когда это необходимо (в юридическом и практическом смысле). При решении вопроса об отказе от государственного иммунитета он не обладает широкой свободой действий по сравнению с полномочиями иностранного государства" (см. [§ 92](#) - [93](#) настоящего Постановления).

Я считаю, что Палата лордов подразумевала, что на практике свидетельство, выдаваемое министром обороны, больше являлось формальностью, чем процедурой, предусматривающей свободу действий.

Подробно изучив юридическую ситуацию до 1947 года, Закон 1947 года и судебную практику, я склонен поддержать вывод о том, что в настоящем [деле](#) мы рассматриваем не исключение права на обращение в суд вследствие установления пределов объема конкретного гражданского правонарушения, а введение ограничений на право обращения в суд в отношении гражданского права вследствие определенных условий процессуального характера. В частности, я считаю, что такое гражданское правонарушение как проявление халатности, за которое заявитель добивался удовлетворения в судебном порядке, имело сложившееся правовое основание в национальном законодательстве государства-ответчика. До 1947 года такое правонарушение не являлось основанием для иска против государства. Можно утверждать, что до того времени государство не несло никакой юридической ответственности в соответствии с существующим принципом британской правовой системы того времени, что "Король не может совершить правонарушение". Я не считаю такую традиционную юридическую фикцию достаточно убедительной, чтобы аннулировать в рамках [Конвенции](#) такое гражданское правонарушение как проявление халатности, поскольку дело касалось исков против государства. Тем не менее, эта фикция не препятствовала предъявлению иска против государства. Необходимо напомнить, что вопрос о наличии гражданского права в каком-либо государстве не решается исключительно путем отсылки к национальному законодательству. Судебные органы могут решить вопрос о наличии достаточного правового основания для гражданского права в рассматриваемом государстве независимо от условий или ограничений национального законодательства этого государства.

Но, даже допуская, что государство не несет никакой ответственности за гражданские правонарушения вследствие принципа "Король не может совершить правонарушение", фактом остается то, что после принятия Закона 1947 года была введена ответственность государства за гражданские правонарушения, совершенные его должностными лицами. Материальные нормы этого Закона не исключают случаи, подобные [делу](#) заявителя, из сферы действия гражданской ответственности государства. И в связи с этим я должен отметить, что я согласен с заявлением Высокого Суда правосудия о том, что, если целью Закона 1947 года было исключение военнослужащих вооруженных сил из преобразований, введенных статьями 1 и 2 этого Закона, тогда очевидно было предположить, что необходима ясная норма о том, что эти преобразования не должны применяться к искам таких лиц. В подобных случаях вопрос о том, относится ли каждый конкретный иск к этой категории, должны решать суды на основе фактических обстоятельств дела (см. [Постановление](#) Европейского суда по делу "Паэулл и Райнер против Соединенного Королевства" (*Powell and Rayner v. the United Kingdom*), касающееся материально-правового ограничения в соответствии со статьей 76 (1) Закона 1982 года о гражданской авиации).

Верным является то, что статья 10 Закона 1947 года предусматривает, что государство не подлежит привлечению к гражданской ответственности в отношении деяний, повлекших смерть или причинение вреда здоровью военнослужащему вооруженных сил, если соблюдены определенные условия, одно из которых заключается в том, что министр обороны подтверждает свидетельством, что соответствующий вред считается или будет считаться связанным с прохождением военной службы в целях назначения военной пенсии. В связи с этим возникает вопрос, является ли данная норма частью понятия соответствующего гражданского права или она просто регулирует уже существующую гражданско-правовую ответственность посредством установления процессуальных ограничений. Я поддерживаю второй вариант, и в этом отношении я вновь соглашаюсь с выводом Высокого Суда правосудия, на который я уже ссылался.

Тот факт, что было введено условие, как, например, выдача свидетельства министром обороны, а не названы исключения и не предоставлено судам самим решать вопрос о наличии таких исключений в каждом конкретном случае, говорит о том, что

применимые ограничения права обращения в суд носят процессуальный характер. В связи с этим я считаю необходимым отметить, что свидетельство, выдаваемое министром обороны, представляет собой также вмешательство органа исполнительной власти, по сути, члена правительства, в решение вопроса о том, имеет ли лицо право подать в суд иск за халатное отношение. Принимая во внимание политический статус министра обороны, его вмешательство указывает на процессуальное, а не материальное, ограничение права лица на предъявление иска. Вот почему лица, занимающие политические посты, ответственны за разработку направлений деятельности и их применение, и это предполагает наличие широкой свободы действия. И, как было верно отмечено Высоким Судом правосудия, тот факт, что свидетельство, как правило, выдавалось, по принципиальным соображениям в каждом случае, когда министр обороны был убежден в наличии связи между травмами военнослужащего и прохождением военной службы в вооруженных силах, это не означало, что министр обороны, ответственный за выдачу такого свидетельства, не мог по своему желанию отступать от такой политики. О таких изменениях политики свидетельствуют факты, установленные после рассмотрения данного [дела](#) Европейским судом в связи с делом, аналогичным делу заявителя (см. § 72 настоящего Постановления; ссылка на этот вопрос приведена ниже).

Министр обороны вправе выдавать или не выдавать соответствующее свидетельство. Если он не убежден в том, что в определенной ситуации такое свидетельство необходимо, или, говоря словами Палаты лордов, если он считает выдачу свидетельства ненадлежащей, лица, находящиеся в положении заявителя, могут подать иск на основании гражданского правонарушения из халатности, которое уже существует. Возможно, министр обороны не обладает такой широкой свободой действий, по сравнению с правительством другого государства, при решении вопроса отказываться или не отказываться от государственного иммунитета, но он, безусловно, имеет возможности или полномочия решать каждое дело тем или иным образом. Если он выдает свидетельство, то иск не может быть подан в судебном порядке. Если он не выдает свидетельство, лица, находящиеся в ситуации, аналогичной ситуации заявителя, могут подать иск на уже существующем правовом основании. Действительно, важно подчеркнуть, что в таких делах существующее правовое основание для подачи иска является общим правом предъявлять гражданские иски против государства в соответствии со статьей 2 Закона 1947 года. При отсутствии соответствующего свидетельства, не предусмотрено никакого нового правового основания для подачи исков, и, следовательно, никакое новое правовое основание не требуется. Это подтверждает вывод о том, что ограничения в отношении военнослужащих вооруженных сил не подпадают под определение общей гражданско-правовой ответственности государства или под установление пределов такой ответственности, как было закреплено материальными нормами Закона 1947 года. Более того, принимая во внимание текст Закона, различие, проведенное Высоким Судом правосудия между наличием права и средством правовой защиты этого права, является, по моему мнению, верным. Правовое основание права существует. Средство правовой защиты этого права зависит от условий.

Министр обороны может, как правило, выдавать свидетельство как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее, он может его не выдать, и предполагаемый характер свидетельства не укрепляет более дело государства-ответчика. Предположительно, дело "Фогарти против Соединенного Королевства", касающееся иммунитетов, отличается от настоящего [дела](#). Однако даже требование о предоставлении иммунитета обычно на практике является официальным требованием, которое подается в судебные органы. Посольства выдают письменные свидетельства с требованием о дипломатической или государственной неприкосновенности даже в отношении невыплаты их дипломатами своих долгов, и такие свидетельства выдаются как нечто само собой разумеющееся.

Кроме того, важным в этом вопросе также является тот факт, что после проведения Европейским судом слушания по данной жалобе было установлено, что согласно

юридическим советам адвоката Министерства финансов, направленных в 1953 году Министерству обороны в отношении другого участника экспериментов, чья ситуация была аналогична ситуации заявителя, статья 10 Закона 1947 года "О производстве в судах Короны" была неприменима, и, соответственно, ее нормы не могли защитить государство в целом или министра обороны от привлечения к ответственности. Как следствие, министр обороны решил, что больше не может "использовать в качестве основания пункт 1 статьи 10" в любом гражданском иске, поданном заявителем. Из этого следует, что в настоящем деле имели место два противоречащих друг другу подхода в отношении исключения ответственности государства на основании статьи 10 Закона 1947 года.

Это еще один веский аргумент в поддержку точки зрения, что свидетельства на основании статьи 10 не выдавались как нечто само собой разумеющееся. Министр обороны мог использовать свою свободу действий тем или иным образом путем оценки ситуации на основе одних и тех фактов. Это замечание ясно свидетельствует о процессуальном характере ограничения права лица на обращение в суд в отношении иска. Конечно, такой вывод противоречит точке зрения Палаты лордов и властей Соединенного Королевства о том, что использование дискреционных полномочий в вопросе выдачи свидетельства на основании статьи 10 не является существенным. Напротив, из этих новых фактов становится очевидным, что министр обороны, решая вопрос о выдаче свидетельства, проводит оценку ситуации, которая выходит за рамки простого установления фактов или проверки соблюдения определенных правовых требований. Было показано, что одна и та же ситуация может быть оценена двумя разными, противоречащими друг другу способами. Политический статус министра обороны и характер требований, которые он должен рассматривать при решении вопроса о выдаче свидетельства ("...если соответствующий вред ... считается или будет считаться связанным с прохождением военной службы..."), действительно имеют большое значение в ходе такой оценки.

Однако, рассматривая вопросы, связанные с правами человека, мы не должны забывать о требованиях правовой нормы, которые составляют основу для принятия права доступа к правосудию. Правовая норма закрепляет, что каждый в случае спора о его гражданских правах имеет право на разбирательство его дела независимым судом. Это применимо а fortiori к искам против государства. В подобных случаях мы должны избирать более либеральный подход или более либеральное толкование правовой ситуации с тем, чтобы предоставить возможность для права доступа к правосудию, а не двигаться в сторону лишения, или создания абсолютных запретов, такого права - конечно, при наличии для этого обоснованных возможностей. И я считаю, что в данном деле такая возможность имеет место.

В настоящем деле *raison d'être* ограничений соответствующих прав военнослужащих вооруженных сил перестало существовать с 1987 года. Этот фактор необходимо принять во внимание, как в поддержку моей точки зрения, что рассматриваемые ограничения не ограничивали это право заявителя, так и в поддержку вывода о том, что, поскольку эти ограничения носили процессуальный характер, они не могли считаться соразмерными преследуемой цели. В этом вопросе я вновь полностью согласен с заключением Высокого Суда правосудия (см. § 38 - 43 решения Высокого Суда правосудия и § 86 настоящего Постановления Европейского суда).

Наконец, я должен отметить, что я не согласен с доводом властей Соединенного Королевства (§ 113 настоящего Постановления Европейского суда) о том, что пункт 1 статьи 6 Конвенции неприменим вследствие Постановления Большой палаты Европейского суда по делу "Пеллегрен против Франции" (*Pellegrin v. France*) (от 8 декабря 1999 г., жалоба N 28541/95, ECHR 1999-VIII, р. 207, § 66) и Постановления Европейского суда по делу "R. против Бельгии" (*R. v. Belgium*) (от 27 февраля 2001 г., жалоба N 33919/96). Я не согласен с этим доводом по тем же причинам, какие апелляционный суд привел в своем Решении по делу "Мэттьюз против Министерства обороны Соединенного

Королевства" (см. § 88 настоящего Постановления). Кроме того, я подчеркиваю, что Министерство обороны не представило этот довод Палате лордов в ходе разбирательства по тому делу.

Ввиду моего вывода в отношении нарушения [статьи 6](#) Конвенции я не считаю необходимым рассматривать жалобу касательно [статьи 1](#) Протокола N 1 к Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Б. ЦУПАНЧИЧА

С точки зрения решения я разделяю подход судьи Л. Лукайдеса в выражении несогласия с мнением большинства судей, в котором он, в конечном счете, выбрал процессуальный характер ограничения.

С точки зрения концепции я, однако, едва ли могу признать, что предмет рассматриваемого спора должен зависеть в какой-то степени от надуманного различия между тем, что такое "процессуальный" и что такое "материальный". Тем не менее, такое искусственное разделение понятий "процессуальный" и "материальный" было поддержано и закреплено нашим прецедентным правом. [Статья 6](#) Конвенции и ее производные, как например "право обращения в суд", происходит из непроизвольной, или, в любом, случае, неформулированной, лежащей в ее основе предпосылки.

Предпосылка заключается в том, что процедура является лишь вспомогательным и зависимым средством, приводным ремнем, осуществляющим материальные права.

Вначале, возможно, она имела политический смысл, выразившийся в том, что такой международно-правовой инструмент как Европейская [конвенция](#) о защите прав человека и основных свобод должен попытаться свести свое действие к тому, что считалось просто процессуальным средством. Тогда бы создание материального права, по крайней мере, по виду, осталось бы суверенной сферой национального законодательства. Однако с течением времени эта воображаемая тектоническая граница между материальным и "просто" процессуальным, превратилась в "сейсмическую линию сброса". Это порождает сложные дела, о чем свидетельствует такое расхождение голосов, что приводит к установлению недействующего права. Более того, в том случае, когда исполнительная власть наделена полномочием вмешиваться в право на обращение в суд, имеет место вопрос о системе сдержек и противовесов (принцип разделения властей), который, как правило, разрешается национальным конституционным судебным органом.

По иронии, именно в делах против Соединенного Королевства мы должны проводить различие между тем, что является материальным, и тем, что является процессуальным. Хотя континентальные правовые системы в силу исторических причин традиционно придерживались строгости разделения этих понятий, именно правовые системы общего права всегда считали право и средство правовой защиты этого права взаимозависимыми. <*> Является ли средство правовой защиты "материальной" категорией? Или же оно "процессуальное"? Является ли юридическая фикция "Король не может совершить правонарушение" - и как следствие препятствие в предъявлении иска (требования об иммунитете) - просто процессуальной? Или же истец просто был лишен материального права? Когда мы переходим от рассмотрения одного дела против Соединенного Королевства к другому, эта дилемма кажется in sameo.

<*> См. более подробно Б. Цупанчич, "Рассмотрение спора в суде и норма права" ({Zupancic}, Adjudication and the Rule of Law), 5 European Journal of Law Reform 23-125, 2003.

Становится понятным, что мы должны обратиться к здравому смыслу. Несмотря на незначительное преимущество голосов большинства об обратном, можно легко утверждать, что любой иммунитет от привлечения к суду по любому вопросу является процессуальной категорией. С другой стороны, мы знаем, что как намерение, так и

действие такого иммунитета направлены на отрицание одного из наиболее логически неопровержимых материальных требований в праве.

Чем тогда является право? Неверно утверждать, что "право" - включая понятие "право человека" - становится чем-то юридически обоснованным, парадоксально, только тогда, когда о нем заявляют, чтобы потом его лишиться? Мыслители и политики, возможно, и могут позволить себе говорить о правах этически и *in abstracto*. Однако в праве именно состязательный процессуальный контекст дает возможность материальным правам выступать открыто, то есть существовать. Право появляется на юридическом горизонте, когда о нарушенном интересе субъекта права процессуально заявлено, и активно предоставляется средство правовой защиты этого интереса. Незащищаемое право является всего лишь гипотетической абстракцией.

Взаимоотношения между отдельными людьми в обществе можно наполнить всевозможными потенциальными правами. Однако в большинстве случаев они останутся незаявленными, или потому что их не нарушают, или потому что пострадавший не защищает их в процессуальном порядке. Более того, право без средства защиты этого права является простой рекомендацией ("натуральным обязательством"). Из этого следует, что право вдвойне зависит от сопутствующего ему средства правовой защиты. Если средство защиты не существует, право не является правом. Право и средство его защиты не только взаимозависимы. Они единичны.

Говорить о правах, так, будто они существуют отдельно от своего процессуального контекста - значит, искусственно - например, по педагогическим, теоретическим или юридико-техническим причинам - разделять то, что в практическом смысле неразделимо. Материальное право не является зеркальным отображением своего процессуального средства защиты.

Материальное право и есть его средство защиты.

Парадоксально, что так часто общему смыслу и общему праву приходится вступать в прямой конфликт друг с другом. Вдвойне парадоксально, что большинству судей приходится говорить о том, чтобы избегать обращать внимание только на внешние признаки правовой нормы и основываться на фактических обстоятельствах *дела* <*>, тогда как различие оценки основано на чистой юридической фикции. Мы могли бы кое-как довести дело до конца, но основополагающая неверная предпосылка останется. Эта дилемма, безусловно, вернется.

<*> См. § 121 настоящего Постановления Европейского суда.

Способом решения этой дилеммы, очевидно, является отказ от этой предпосылки. Трудно делать это абстрактно. Но, тем не менее, по крайней мере, в тех делах, в которых "линия сброса" потенциально имеет решение и в которых эта предпосылка вступает в противоречие с правосудием и здравым смыслом, мы, будучи Европейским судом по правам человека, должны отдать предпочтение самостоятельному значению "процедуры рассмотрения дела с надлежащим соблюдением норм материального права". Рациональная честность не терпит меньшего.
